

РОСК-ДРАМАТУРГИЯ

ПРАВДИВАЯ СТРАННАЯ ЛОЖЬ

СБОРНИК НОВЕЛЛ И ПОВЕСТЕЙ

Александр Евдокимов

Александр Евдокимов
Правдивая странная ложь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43018938

ISBN 9785449699473

Аннотация

А Н Н О Т А Ц И Я к сборнику «ПРАВДИВАЯ СТРАННАЯ ЛОЖЬ» Герои произведений сборника «Правдивая странная ложь» – обычные люди, которые оказываются в нестандартных жизненных ситуациях, и эти обстоятельства раскрывают их без привычной житейской обёртки, где они уже представляются «настоящими»: искренними, наивными и правдивыми в данных коллизиях и перипетиях. А. П. Евдокимов

Содержание

АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВ	5
ПРАВДИВАЯ	6
ДРАМАТУРГИЯ РОСК-ПРОСТРАНСТВА	6
ОТ АВТОРА	8
=====	18
ВКУСАЙ	18
НОВЕЛЛА	18
ПУТНИКИ	26
новелла	26
СЛАСТИ	35
новелла	35
ПОКОЙНЫЙ СВЕТОРШЕРА	42
новелла	42
ЦИМБАЛИСТ	57
новелла	57
ГЛУПЫШКА	69
новелла	69
БЕССОННАЯ НОЧЬ	95
новелла	95
ТЛЕЮЩИЙ КОСТЁР	110
новелла	110
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Правдивая странная ложь

Александр Евдокимов

© Александр Евдокимов, 2019

ISBN 978-5-4496-9947-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВ

ПРАВДИВАЯ СТРАННАЯ ЛОЖЬ

ДРАМАТУРГИЯ РОСК- ПРОСТРАНСТВА НОВЕЛЛЫ ПОВЕСТИ

Евдокимов А. Правдивая странная ложь. – Москва
2019. – 266 с.

Александр Петрович Евдокимов родился 25 августа 1959 года в селе Мартовка Хабаровского района Алтайского края. В 1980 году окончил режиссёрское отделение Алтайского государственного института культуры в г. Барнауле. Писать начал в 1983 году.

Как режиссёр-педагог постоянно экспериментировал, исследуя художественное пространство и формировал своё направление в искусстве. В 1991 году впервые ввёл термин «Rock-in-Room»: в дальнейшем всё его литературное твор-

чество находится под знаком этого стиля и направления.

В 2006 году окончил ВГИК, отделение киносценария, город Москва.

Член профессионального комитета московских драматургов.

В 2000 году вышла первая книга «Статус-кво, или новая жизнь Воробьянинова, Паниковского и Балаганова» – сборник новелл и пов

ОТ АВТОРА

рок – драматургия
художественного пространства

эссе

стилевое направление «Rock-in-Room»
stylistic direction «R-&-R»

Природа, одарившая нас счастьем приобщения к прекрасному, устремила души наши к бесконечным далям своей гармонии, пытаясь осмыслить творения Бога-Разума сознанием творца-человека, даруя ему талант глубокого постижения действительности.

То малое мгновение Вселенского времени, которое уделяло человечество многовековым изученьям окружающего нас пространства, было постоянно насыщено жаждой познания Тайн Бытия в многогранной творческой деятельности человечества, но, к сожалению, в большей степени эти исследования акцентировались на теллурическом и бытовом уровне. Полнокровный пятичувственный диапазон нашей попытки понять и отразить мир выводит усилия науки и искусства на уровень осмысления действительности в пространство поверхностного измерения.

Непостижимые творения искусства всё менее находят широкую публику, переставая тем самым оказывать воздействие на формирование как художественного вкуса, так и философской мысли. Удовлетворяются вкусы и потребности большинства: утверждается иерархия их ценностей. Жажда познания вытравливается жаждой удовлетворения вышеуказанных чувств на уровне – забыться и отвлечься. Поэтому собранная информация в художественных произведениях великих творцов, приближая Вселенную человеческого сознания к бесконечному пространству Вселенной, хранит энергию свою в круге этих источников и не возбуждает действия:

- не посвящается Микрокосм Макрокосмом;*
- не измеряется пространство актинического уровня;*
- нет поиска Точки, в которой природа геометрических перипетий.*

Большое разнообразие и форм и методов используемых в искусстве позволяют сегодня художнику раскрывать любые замыслы и любые объёмы пространства и времени. Именно это разнообразие и выявило некоторые общие признаки в изложении художественной информации в рамках аллегорий у многих творцов, что определило мои творческие исследования, где раскрылись новые возможности в организации художественного пространства.

Это направление, метод или стиль художественного самовыражения я назвал «*Rock-in-Room*» – рок в ограниченном пространстве. Природа его живёт с того времени, когда человек достиг желания передать Красоту такой, какой её понимает Бог, то есть не по законам арифметической и буквенной логики, а в логике геометрии и иероглифа. Именно то, что трудно объяснить словами: например – джаз или любовь.

Здесь нужно полностью отказаться от стереотипов и догм накатанных глубокой колеёй в нашем сознании музыкальной рок-культурой, – нет – это художественное пространство не знающее границ в мире искусства. Это метод широкого и глубокого обобщения информации посредством стилизации рассматриваемого материала, выявляющий общие характерные данному объекту абрисные свойства и сплющивающий обозначенный контур в тисках аллегорической атмосферы художественного произведения. Это не развлечение, а постижение: постижение пространства Вселенной, которая является частью нас самих. Именно поэтому гений всегда открывает для нас неожиданный ракурс на привычное и обыкновенное, тайное и далёкое, где в метафизических гранях сие раскрывается удивительным и достигаемым.

Данный способ организации художественного пространства не несёт в себе никаких революционных заявлений: он определялся сознанием многих и огромным течением времени с точки зрения нашей цивилизации. Интуитивно художники касались этого пространства какими-то момента-

ми и мгновениями художественного действия в своих произведениях, а иногда полностью находили созвучие с ним – но касались этого *интуитивно*.

Попробуем метафизически коснуться и объять изложенное мною

направление в художественном пространстве, обозначенное термином «*Rock-in-Room*», природа которого дадена гоголевской мыслью и многими шедеврами мирового искусства.

Для этого изначально оторвёмся от понимания «*рока*» как объективной всеобщности, находящейся вне человека и осуществляющей насилие над его волей. Не нужно воспринимать это как нечто отрицательное и чёрное. Это норма и суть явления. Это, словами Гегеля, «*внутренняя сущность индивидов, – каков человек внешне, ... в своих действиях... таков он и внутренне*». Рок – это предопределённое пространство нашей внутренней сущностью. Это нельзя отнести к неумолимым и насильственным актам над волей нашей, это только творческий способ организации художественного пространства, где находящаяся вне человека объективная всеобщность, становится обыкновенной участью сознания «*входящего*» в это художественное пространство или материю человека. Что позволяет вырваться из плена пятичувственного измерения, где доминируют морально-нравственные ориентиры и войти в уровень *тамасичного* ПРОТИВОПОЛОЖЕНИЯ: СУБЪЕКТ – ОБЪЕКТ, – и здесь искать объективности.

Данный уровень организации художественного пространства – это ещё одно возвращение к первым древним и очень близким познаниям Природы, где в тайных символах, кажется, скрыты Тайны Бытия.

Основная масса художественного пространства современного искусства – хлам жанровых разнообразий, удовлетворяющий вкус обывателя и критика обычно проявляет в этом эквивалентность. Елена Блаватская излагает чёткое подтверждение этому: «...тогда как греческий философ поклоняется форме, а индусский мудрец один лишь „понимал истинное соотношение между красотой и вечной истиною“ – невежественные слои всех народов не понимали ни того, ни другого... ..не понимают они этого и поныне...»

Поэтому, чтобы создать более утончённую дифференцированную художественную ткань, посредством которой художник через свой *Субъект* приблизит тайны *Объекта* обывателю, необходимо как можно дольше сохранить ПРОТИВОПОЛОЖЕНИЕ: СУБЪЕКТ – ОБЪЕКТ в момент которого попытаться рассмотреть поток духовной интуиции утерянной в пассионарной суете между кухней и спальней, чтобы шагнуть к познанию «*вещей самих в себе*» или *Сущности*, то есть вынуть контур из контура.

Поскольку *Субъективное* не может быть выражено в *Объективном*, то в попытке охарактеризовать символической формулой всё что превышает рассуждения на эмпирическом уровне и часто значительно превосходит наш рассудок, необ-

ходимо выйти за пределы этого рассудка в той или иной форме.

Формула «*Rock-in-Room*» изложена известными для нас категориями, но не нужно понимать её как обыкновенные аллегорические выражения монтажных столкновений символов и метафор, как суммарные объёмы информации эмблем: если символ изображает какую-то одну специальную мысль, а эмблема заключает в себе большое количество мыслей, то метод «*Rock-in-Room*» сталкивает эти обобщения в художественную ткань, где материальное, психическое и духовное становятся геометрическим пространством философии художественного измерения. Именно поэтому «... гоголевской „материи“ свойственно проникать сквозь пространственные наслоения», замечает В. Астафьев.

Другими словами, если:

а) эмблема есть ряд графических изображений, рассматриваемых и объясняемых аллегорически, которые как в панораме раскрывают одну идею за другой, а носителями этой энергии могут быть символы, —

тогда как —

б) «*Rock-in-Room*» абрисный интеллект аллегорического языка использует как силу «логического притяжения» художественной информации, которая насыщает всё пространство и существует уже вне её носителей.

Отсюда «логику притяжения» и насыщенность ею определяют идеи отдельных символов или метафор – это природа глубокого обобщения. Значит: микрокосм художественного пространства должен быть частью макрокосма пространства «нервного эфира», «...ибо Эфир в Эзотеризме есть самая квинтэссенция всей возможной энергии и, несомненно, этому универсальному посреднику (состоящему из многих посредников) обязаны все проявления энергии в материальном, психическом и духовном мире», подтверждает Елена Петровна в «Тайной доктрине». И, конечно же, в безумной попытке изложить Тайны Бытия, необходимо посредством художественной информации передать энергию и материального, и психического, и духовного мира языком даденным Нирваной.

Именно эту информацию, почерпанную из «нервных граней» Вселенной, необходимо использовать в новых художественных столкновениях посредством готовых результатов аллегорических изложений, где сила «логического притяжения», возникающая в разнообразии информации, есть результат этого разнообразия и эта сила не причина художественного действия, а его результат, тогда как причину нужно искать не в узком бытовом коридоре сознания обывателя, а в рамках такого «логического притяжения» посредством готовых художественных обобщений внутренние и внешние движения в материальном, психическом и духовном мире

из бытового уровня исследования информационного материала восходят или концентрируются на графической сути контуров, что есть трансформация или корреляция рассматриваемой бытовой информации. В этих условиях реализуется новый уровень *оправданий*, а в системе оправданий возникает *логика*, которая формирует «притяжение» и это художественное притяжение *определяет* силу, – воздействие оной и лежит в основе метода «*Rock-in-Room*». Поэтому интуитивный выход многих художников на данный уровень – объективен, ведь если в Пространстве распространяется неделимая, беспредельная и непознаваемая Точка, образующая Абсолютную Точку, где находится тайна «*вещей самих в себе*» и с ракурса которой объективно отражается субъективизм быта, то есть теллурические условности, то и желание войти в эту *Сущность* неустанно, так как энергия этого Абсолюта пронзает всё пространство, но её невозможно понять пятичувственным небом, она вне этих измерений. Эта энергия, несомненно, является природой как реального, так и художественного пространства «...*ибо она содержится в каждой молекуле того, что мы в нашем неведении и иллюзии рассматриваем, как материю в одном из её состояний, или познаём, как чувство, мысль, эмоцию. Словом, это проводник всякого явления физического, либо умственного или же психологического*», утверждает Блаватская.

В таком пространстве, в его высшем синтетическом аспекте, возникает та божественная высота художественного

проникновения, которая неподвластна жанровым определениям традиционного искусства: «...*сделанное Гоголем художественное открытие в литературе, не поддаётся никаким жанровым классификациям, никакой литературной дисциплине, нормам, исправлению – оно вне времени*», замечает Астафьев. Оно вне времени и вне измерения потому, что в области высшего проникновения материя рассматривается как энергия, то есть материя – это движение. Отсюда, в рамках «*логического притяжения*», возбуждённая энергия создаёт определённое пространство – и это есть информация, представляющая собой материю. Другими словами: движение информации от абриса внутренней силы в соединении с абрисом внешней, при помощи устремлённого действия, в котором преобладает качество неподвижности (тамас, бесчувствие), порождает атмосферу – которая является *рок-пространством* замкнутой бесконечности, именуемой «*Rock-in-Room*».

Итак, «*Rock-in-Room*» – это художественный метод (стиль) *концентрации* информации и психофизической энергии в плоскости художественного произведения посредством *сдерживания* физического действия, где элементы внутренней силы *тамасичны* по своей природе, что позволяет художнику в ракурсе гротеска рассмотреть *детали* художественного материала и контрастным столкновением *акцентировать* мысль в определённых моментах архитектоники художественного материала через полное проявление физи-

ческой, или внутренней, или психофизической энергии.

«*Rock-in-Room*», охватывая ПРОТИВОПОЛОЖЕНИЕ: СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТ, даёт возможность вскрыть *Сущность* этого столкновения, его природа – ПРОТИВОПОЛОЖЕНИЕ: МИКРОКОСМ-МАКРОКОСМ, – где Микрокосм ищет равенства с Макрокосмом, чтобы познать тайну «*вещей самих в себе*».

=====

Н О В Е Л Л Ы

=====

ВКУСАЙ

НОВЕЛЛА

*В стиле «Rock-in-Room»
in the style of «R-&-R»*

!Небольшой пустой тазик разместился на столе, укрывшись затёртой клеёнкой, ожидал суеты домашнего утра! —! Блеклый фартук ловко вывернулся выцветшей изнанкой, словно корзинка, наспех поместил в себя – с грядки, горку спелых помидоров хозяйки дома!...

Ситцевый выцветший фартук, руками с обветренной кожей, под которой устало разбегались вены-ручейки, протирали красные мясистые помидоры под крепким названием «бычье сердце» и эта зрелая мякоть катилась в ладони и внуку, и деду – летом...

– Утречка добренького, мои сладкие! Вот вам – помидорчики! Аппетита приятного! Вкусай, унучек, вкусай! Ой, мясистые и смачные! У-ум-м!... Ну, давай, зубёнки свои... Где твои передненькие?! Ой, какие востренькие! Ну, что – твои беленькие вкушать могут?... Ай, беленькие, чистёхонькие и новенькие... Будто, кроличек пушистый... потом их кормить пойдём... Да?!... Бум-бум, бум?! У-у, мой сладкий!...

Ситцевый выцветший фартук, руками с обветренной кожей, под которой устало разбегались вены-ручейки, протирал красные мясистые помидоры под крепким названием «бычье сердце» и эта зрелая мякоть катилась в ладони и внуку, и деду...

– Кушай, детонька!... А ты чего?! Хрыч неукомплектованный! Чё вцапался в мякоть, как...? Чё, с утра уже с ней в облаках?! В лопухах?! С молодухой, какой – вспоминат трепетно! Всосался! Не брыщь! Вкусает, как грудь йёй-ную?! И всасывается, сволочь... хитрющая, как комарища!... Напустили в семью кровопивцев! Да, увучек?!... Кушай, крошечка... Или вчерашняя радость влаги требует!... Сто грамм за каждый гол! Когда уляжешься – нет сидит и блуждает в кухню к рюмке!... Голов нет, а он блуждат!... «Уральский трубник»! Назовут же!... Команда: подстать бо-

лельщику!... Грызёт, сидит, мякоть – глаза пучит!... Как бы
щас... Антихрист!... Аккуратней... ягодка моя, не торопи-
тесь!... Ещё подам. Красненьких там много. Сходим – по-
смотрим, прополем, польём... Ой, как я вас люблю... вку-
шайте, вкушайте... губы подотри, всосался! Кого хоть там
представляют, гад... гадания у деда, унучек, не смотри... ку-
шай!

...ситцевый выцветший фартук, руками с обветренной
кожей, под которой устало разбегались вены-ручейки, про-
тирал красные мясистые помидоры – «бычье сердце»...

– Нет, дитятка – ты-то вкусай, в тебе ещё не те зубки, дай
я поцелую и глазки твои, вкусай, милый. Вот и салфеточка...
ягодка моя ненаглядная! Промокнём капельку...

– А ты что чавкаешь?! Собственно: не уважая детство чьё-
то! Нет: с утра, или закусил?! и уже охамел! Всосался он, что
ты в помидоре узрел?! Или кого и чьи! Совесть поимел бы,
при внуке!.. Вкусает сидит!... Точно – закусувает! И когда
успел! Всю жизнь мне вытравил! О, как на спеленькое-то по-
тянуло, будто брюхатую на солёненькое!... Вкусился – по са-
ми уши!... Такую же спеленькую вспомнил?! Я вижу, как
на соседку пялишься и это при внуке?! Вкусает, будто меж
щёчек просунулся! С-с-с-сказочник!... Сказку лучше бы со-
образил ребёночку! Нет же: он только с дружками сообража-
ет! И подружек не забывает! Гад!... Аккуратней в фантазиях

по грядам, потрошитель спелого! Лишь бы топтать, лишь бы топтать... и потоптаться!... Конь с-с-с...

– С-с-сладкий, сыночка, вкусай спеленького, вкусай!... Ой, помидорчик... по губкам... Он солнышко, малыш... Ты нежнее вкусывай, там солнышкова тайна, и ещё, там вкусанье в цвет самой жизни!... вкусай...

...ситцевый выцветший фартук, руками с обветренной кожей, под которой устало разбегаются вены-ручейки, протирал красные мясистые помидоры...

– Вкусай соку сладенького!... Давай! Ой, капнул – ничего... вытру! А ты, кот с йя-а-аркими воспоминаниями, не вкусай, а жри!... У-у-у... утроба ненасытная... Жрёшь же ночью! Фуцфол он смотрит, будто, как, вдруг, слышу – захекал, уже в кухне!... захекал с горылки: заглотил и захекал!... Вкусает он! Ишь!... Брыж-ж-жэт! А мне мыть?! Во, обляпай мне ещё всё до трусов! Чё ты не можешь с ним справиться: теребит, брыж-ж-жит и жеманит?! Её то он в один присест – от уха – до уха и к дёснам!... Вкусит!... Самец! Не мороси!... на скатерть белую... у-у-у!...

– Унучек, вот салфеточка. Ой, это – как божья роса: пусть брызжет! Все вытиру и утру» до соплёночек, мой милый... А что это вы уже оба вкусаете?! А?! Гля-ка: в глазах, будто, что-то мелькат!... Ить-тиже мать т-т-таки, и как с куста – обоих! Надо же!... От: яблоня помидорами куда падат!...

Гля-ка – от, сатаны!... Вкусились на пару!...

...ситцевый выцветший фартук, руками с обветренной кожей, под которой устало разбегались вены-ручейки, протирал красные и мясистые...

– Бесстыдник, всё – научил уже! Зараза какая, опять весь в похотях?! Не помидоры, так умчался бы по соседкам!... А не будет, то что?! Со мной бы так – бесстыдник... Вкусает он... вкусай, вкусай! Кого ж ты так вспоминаешь! Вцепился... аж покраснелся в стараниях... помидор!

– А ты, мой маленький унучек! Ой, какой ароматный по губкам бежит томатный, сейчас промокну...

– О-о!... что обляпал уже всё?! Зубами своими обхватыват! Сколько титек так обхватил?! Не давись и не вздумай кашлять! Здесь дитя! Вкусает он перед младенцем! Бесстыдник! Здесь же внук твой, а ты что вкусаешь?! Молчи!... Эротист! Помидорчик он, как солнце... Не надо ребёнку намекать на твои похождения в прошлых похотях! Вкуситель! Меня учил – с обеих сторон вместе вкусовать... Я всё помню! Развра-а... а-а-х!.. За всю жизнь ни разу больше не повторили!... вкусить помидорчики те!... Не повторили вкусанья того... Вкусай уж, чего там... Потерплю: благо в завтраках застолья короткие... И не подмигивайте друг другу!

...ситцевый выцветший фартук, руками с обветренной

кожей, под которой устало разбежались вены-ручейки, протирал...

– Ну, как ты: справляешься, малышка? Вку'сай-вкуса'й!... Витаминки!... домашние!... Умничка! А вот дедушка что-то давиться! Вкусай, как он – зубки уже ведь есть, вкусай, унучек, пока не стал с другими зубками... никотиновыми... Это не кролик, сыночка – это нутрия желтозубая! Пойдём потом их повидеть, поймёшь меня: один в один, как это чудо!...

– И чё ты глаза выпучил из-за помидора, как Гагарин из-за планеты той?! Вкусай уже! Чё ты только не вкусал?!... Щёки хоть не раздувайте, любимые мои! И что за ирония в глазах у обоих? Что за родня такая? Не то что-то вы уже вкусаете оба?! Не то уже что-то?! А?! Ну, так говорю же!... Гля-ка: в глазах будто кадры мелькают и ба!... так-ить – одинаковые!... как на экране... Э-э! Куда вкусились?! От с-с-сыны Отечества?! От с-с-свистуны! Ладно, этот-то только с горшка слез и все рефлексy младенчества помнит, а ты-то куда?! Ирод! Вкусился дитяткой грудной в титьку! И плоды разбрасывает, и морда красная, как помидор! Знаете, бесстыдники окаянные, что и как обхватывать! С рождения – коты... Ох, кобели с йя-а-асными взорами, йя-а-агодицы вам мухобойкой отхлыстать! И вкушают они, и вкушают... ненасытные...

...ситцевый выцветший фартук, руками, с обветренной

кожей, под которой устало разбежались вены-ручейки, потирался, теребился... и разглаживался, и выглаживался, и распрямлялся...

– Как же я вас люблю... паразиты!... И не желается вам даже зад надрать: одному за прошлое, другому – за будущее, бока намять!... да и куда вы без меня, горе вы моё луковое!... Вкусайте, уже... как без этого... Вкусают они!... Ха-ох ты, и у этого взгляд из-за помидора: блестит и улыбается уже, сопливец! Ой, господи!... Как же я вас люблю! Пойду яйца соберу, паршивцы... сияют они глазищами... Вот: советь есть, а?!... И вкусают, и вскусают... Что стар, что млад... Безобразники... язвы вас возьми... Ох, и влеплю я вам по задницам! Начищу до бровей!... Ладно, закуси уж «уральский трубник», а ты следи за ним, чтоб не захекал на долго... утро лучше вкусайте!... Вот сколь в нём солнца...

...ситцевый выцветший фартук, руками обтирал лицо и разглаживался, и выглаживался, и распрямлялся...

В небольшом тазу весело поблескивала упругими натёртыми боками горка помидоров, будто что-то бродило в них под очень тонкой пропитанной солнцем кожей: как кровь с молоком...

И манила – вкусай!...

Вку'сай—вкуса'й!

12 августа 2014 год,
город Москва

ПУТНИКИ

НОВЕЛЛА

от Заветов Ветких и аллегорических...

*В стиле «Rock-in-Room»
in the style of «R-&-R»*

Тёплая Земля предлагала путникам ночлег, каждый день и укрывала огромным небом со звёздами, и время считала вместе с солнцем и луной, и умывало родниками, и ими поила, как и кормила... =

: и с хлебцем;

: и с рыбкой, иногда, снисходила;

: и блага, как воздух, дарила – без пива...

И каждого – благословила!...

На путь...

И!...

Всё водила, водила, водила...

От каждого утра – от каждой незваной зори!...

– О-ой! Бр-р... как в детстве: в школу проснёшься, а глаза режет – открывать больно!

– Что?

– Ну, проснёшься в школу, а глаза открыть невозможно, так больно!... Ох!

– Что?!

– Ну, щиплет глаза, как в школу проснёшься!

– Значит, с детства ты врёшь?!

– Почему?!

– В школу не просыпаются...

– А что?!

– В школу – будят!...

– Ну-да, точно – будят... как и будут!...

– Что – будут?

– Будить!

– Куда?

– В школу!

– Кого?

– Тебя!

– А тебя?!

– И меня... я же её и пишу... школу эту!...

Лучи утреннего солнца помогали рождаться новой строке на пожелтевшей бумаге...

В глазах уже не резало, не щипало, а лишь слезилось росой небесной...

И заголосило, вдруг!...

И разразилось, вдруг, голосами бабкиными песнопение истинно-народное – живое!...

И встало вместе с солнцем – из-за горизонта – Земля, но уже с селением: мегаполисом с проспектами-улицами и площадями-опушками...

И с судьбами...

Травка зеленеет,
Солнышко блестит...
Чувство где-то зреет —
Родничком струит...
Что же, вдруг, случилось?!
И Пушкин, как родной?!
И Облако пролилось!
Дождливой полосой!
И Ветер, по другому:
Пришёл со всех сторон
И устремился к Дому,
И распугал Ворон!...
Дом растянул верёвку:
Всю бельевую нить!...
И свежий ветер ловко —
Пелёнкам стал служить...
Из окон Дома взгляды
Разглядывают Высь!
Все взгляды – очень рады, —
В них утверждалась Жизнь!...

Былое, утверждённое – слепое...
Вдруг,
стало вязким и...
смешным болотом...
И «хулиган»,
изгаженный в помоях!
Уже великий гений,

зовущий всех к полётам!...

На бельевых пелёнках бывает разный след:
И есть следы, конечно, изгоев-хулиганов,
Но обывательский поносный бред
Страшнее, чем язык поганого Варана...
И, положив всю жизнь на новые открытия,
Все хулиганы ожидают пониманья!
Пусть даже под Шопена,
прозрение-событие
Коснётся, снизойдя, дыханием признания!...

Источит, – в прах,
в землице – червячок
И хулиганов,
и желающих молиться...
Но корень всё же тихо прорастёт!
И даже сквозь асфальт – продлится!...

И!...

Вновь Весна и новый Взгляд:
Как и тогда,
что в будущем...
на много лет назад!...

...травка зеленеет...
Солнышко блестит!...
А Луна, игриво, смотрит и молчит:

Вся толпа – в спокойствии
Хлещет мирно пиво!
Но Луна и Гоголь видят уже диво:
На пелёнках Радуга,
изогнулась криво...
Ну?!...
наконец,
родился!
И!...
Терпеть помои —
ЕСТЬ!...
уже кому!
Ничего:
отмоем!
Стерпим Сатану!
За новый Мир наш добрый
И!...
за свою страну!...

...Тёплая Земля предлагала путникам ночлег, каждый день и укрывала огромным небом со звёздами, и время считала вместе с солнцем и луной, и умывало родниками, и ими поила, как и кормила... =

: и с хлебцем;

: и с рыбкой, иногда, снисходила;

: и блага, как воздух, дарила – без пива...

И каждого – благословила!...

На путь...

И!...

Всё водила, водила, водила...

От каждого утра – от каждой незваной зори!...

– Смотри! Мы стоим у обрыва реки...

– А вдали!... Видишь?! Там ещё побывать мы с тобой не смогли!

– Да, бегут, но и ждут берега!...

– Сквозь года...

– Помню берег, где были стога!...

– А теперь, в берегах – города, города, города...

– Ну, тогда: песню пой и живи, и за речкой с обрыва следи, борода...

– Да, судьба...

– Петь с обрыва?!...

– И выть!...

– Иногда...

Под звуки моей гитары,

Несёт воды жизнь-река...

Во мне молодом и старом — струна!...

В глазах моих ты – в просвете:

Изгиб гитары у окна!...

И!...

рвётся на краю столетий —

струна!...

Прошагал,
обгоняя такси

И!...

ветер...

И!...

заполнил один момент:

Вместе с нами гулял весь вечер —

город «N»!

Обгоняя такси

И!...

ветер...

И!...

заполнил один момент:

Вместе с нами гулял весь вечер —

город «N»!

Луна снова нам вручает

Дыхание губ – до дна!...

И!...

этот мотив узнает —

струна!

Под утро рассвет на крыше

Признает, что ты сама

Всю ночь говорила: «Слышишь?!...

Струна!»...

Прошагал,

обгоняя такси

И!...

ветер...

И!...

заполнил один момент:

Вместе с нами гулял весь вечер —

город «N»!

Обгоняя такси

И!...

ветер...

И!...

заполнил один момент:

Вместе с нами гулял весь вечер —

город «N»!

Под звуки моей гитары,

Несёт воды жизнь-река...

Во мне молодом и старом —

струна!...

Прошагал,

обгоняя такси

И!...

ветер...

И!...

заполнил один момент:

Вместе с нами гулял весь вечер —

город «N»!

Обгоняя такси

И!...

ветер...

И!...

заполнил один момент:

Вместе с нами гулял весь вечер —
город «N»!

– Эй!... просыпайся!

– Куда?

– В школу!...

И!...

Каждого Земля – благословила!...

На путь...

И!...

Всё водила, водила, водила...

26 марта 2019 год,

город Москва

С Л А С Т И

НОВЕЛЛА

*В стиле «Rock-in-Room»
in the style of «R-&-R»*

Я!...

пальцами со шляпы паутину...
Брезгливо на обочину швыряю,
Носки туфель шлифую о штанину

И...

узел галстука —
на кадыке!...
сжимаю:

- Ваша благородь, путя свободна!
- Светлое уж рядом – за углом!...
- В нём даже умирать удобно!
- И равенство кругом!
- И ходят босяком!...

Ясный путь:

стена,
дорога,
пропасть...
Развилоч нет:
здесь думает асфальт

И!...

тень моя —
единственная робость,

И!...

жизнь моя —
безоблачная даль:

Туфли, отсвечивая чёрным блеском, имели в себе носки тёмно-серого цвета, над которыми свисали штанины брюк, с выглаженными стрелками, не под матрасом и, с заправленной – в них же, белой рубашкой, под пиджаком... в оранжевой петле галстука: потянулись – к солнцу!...

И!...

Свернули все – за угол!...

– Слуги!... Это ж технология! В нано...

– Как это? Как это... как это...

– Без «как» пока, всё по вкусу – получим потом! Запороши и всё!

– Как это?! Как это... как это...

– Как-как?! Да, просто: чёрным – белое, а белое – чёрным!

И всё!...

– Это ж одно и то же!

– Но эффектно! Технология – с фабрики! Смотри и учись!

– Шо?... шок-о-лад... но!... за конфеты я знаю?! Я за политику спросил!

– А я за кого?!... Сам складывай!... белым – чёрное – это ж только в конфетах!... Если фабрика есть! Белым – чёрное?!... А в мире белого цвету и нету!

– Как это? Как это... как это...

– Не существует его! А?!... Белым – чёрное... Это ж-ж-ж сласти! Белым – чёрное: то ж – шоколад!... Если фабрика есть, то и всё – есть! Как в радуге! Это ж процесс!...

– В сказке, что ли?

– Да! Всё, – как в ней! И птичье молоко – есть, которого не существует в природе, и оно, ты заметь, тоже, – белого цвету! Это ж процесс: цвету нету, а он есть, цвету нету, а он есть, цвету нету, а он... наш!

– А чего – нету и есть?!

– Цвету – нету... белого... а он...

– А политика?

– Что?

– Она есть?... Белым – чёрное...

– Не-е... Чёрным – белое... Есть!

– А-а... если фабрики нет?!... Исключаем... не заключив...

– Белое, или чёрное?

– Мы за политику?!...

- Так, технологии – те же!... При-по-ро-ши!... И!... чёрным – белое, а белое – чёрным...
- Ага... значит: белое – чёрным, а чёрное – белым?!
- Ну-да! Надо ж припорошить! Как технология требует!
- Припорошил – справился! Нет – технологию нарушил!
- Так, это ж одно, как всегда... туда же, и тоже – одно?!
Как нано!
- Да-к, это ж политика!
- Слушай, похоже!
- А то! Ещё как!... Соблюдай технологию: припороши, оберни – шоколад!
- Ну-да, реальная фабрика: чёрное – белым, а...
- Стоп! Перепутал ты всю технологию! Это другой шоколад!
- В технологии?
- В ней! То для детей... Во! И даже в стихах!... А с ними и пенсионерам... Ха! С лапшой на ушах!
- А-а! Шоколад для беззубых! Кар-риес-сис-стых!...
- Ну, можно и так! Но это другой шоколад!
- По вкусу?
- Конечно!
- И те же последствия?
- Несовместимые...
- С чем?
- С началом предвкусия!
- А, горько-сладкие!

– Ты пенсии не трогай – не надо, или – не нужно: они же и для детей! И коммуналка всей страны на ней! Во! Опять стихи!... Мы ж за политику! Ты не мешай! И ничего не пуй! Начало – всегда сладкое в политике, но... не для всех и сразу, и потом. Главное, чтобы последствия были... и далёкие, и глубокие... и туманные!...

– А-а, от припорошения! Всего... чего?!...

– И чем, и что, и сколько!

– А за сколько?!

– И – за сколько!

– А по вкусу всё должно быть – как?

– Так... ка-ка-как... и есть! Ты что – не понял?!

– Не знаю...

– Ну, почувствуй алгоритм и его ритм! Во – опять стихи: в консерватории такое пригодится... ботинки и полуботинки... подвал, или полуподвал...

– Да-к, тут сам консерватизм определит: ботинки – в подвал, а полуб-б... тут ясно, как белое с чёрным...

– Вот и примерь! Вот и почувствуй: чёрное с белым, белое с чёрным... Ну?!

– Ага: чё-о..., значит, с-с... бе-э..., а бе-э... с-с... чё-о... не пойму... перед глазами верчу и чувствую, но не пойму...

– На дер-рь...

– А-а!... На дерьмо?!

– На Дерибасовскую пошли – там объяснят!... Хотя, стой!

– Стою!

- Ты что – там уже был?!...
- Нет, не ходил!
- Я про политику!
- А что, – уже пахнет?!
- Нет – пока... но к ботинку прилипли... цвета...
- Чёрно-белые?! Ха! Как из стиха!...
- Да-нет! Всё ещё лучше... пока... следы... от простого дерьма...

Солнце скатилось с небес – навстречу всему, что к нему потянулось: к оранжевой петле галстука, в полах пиджака, под которым отражалась цветом белым рубашка, заправленная в брюки, с отглаженными стрелками, не под матрасом и зависавшие острыми гранями над носками, что, в притирку, имели в себе – туфли, отсвечивающие чёрным блеском, над дорогой в асфальте...

И!...

Закатился Ярило, вместе с туфлями – за угол!...

- Ваша благородь, путя свободна!
- Светлое уж рядом – за углом!...
- В нём даже умирать удобно!
- И равенство кругом!
- И ходят босяком!...

Дверь сжалась под замком.

Я пальцами свои глаза сжимаю!
Свет бешено блестит в висках!...
Асфальтовую обувь с ног снимаю:
Всё!...

я лучше босяком,
или в носках —
Мне уже удобно так:
лишь бы не в тисках,
лишь бы сбросить страх...

И!...
пульс найти в руках!
лишь бы...

16 апреля 2019 год,
город Москва

ПОКОЙНЫЙ СВЕТТОРШЕРА

НОВЕЛЛА

*в стиле «Rock-in-Room»
in the style of «R-&-R»*

Пространство спальни тамасичными кружевами лёгких, прозрачных материй молчало камнем. Зеркальный повтор этой мысли устал и желал сжатой скинии ветра.

– Старею...

Ольга Андреевна печально смотрела сквозь стекло, сквозь собственный абрис, сквозь своё время...

Морщины исцарапали ёмкую гладь в глубине отражений и тронули ранками и лицо, и шею Ольги, украшая тёмные глазницы скульптурной строгостью, знавших и смех, и каприз, и поцелуи мужчин.

Зеркальное пространство ощупывало и осматривало её тело ладонями разных диафрагм... =

: утром – нервно —: – глаза, лицо, шея, лицо, глаза, зубы;

: днём – мимолётно —: – глаза, голова, грудь, спина, колготки, губы;

: вечером – медленно и печально —: – абрис, ноги, поп-

ка, плечи, грудь, живот, чубчик письки, попка, спинка, шея, грудь, соски, зубы, губы, глаза, абрис и...

Глаза, глаза, глаза...

Сквозь мякоть несуществующего бытия, вслед за глазами, ползли по её телу руки, примеряя силуэт, пришедший из света, к реальной – смуглой и стройной сорокалетней женщине...

Она игриво плескалась в плотном пространстве нереальной плоти, взбивая руками волосы и представляя себя то распутной, то больной и слабой, то сальфидной, а иногда, вдруг, начинала плести косичку...

– Старею...

Прозрачная тень рванулась в кристальном пространстве, и коснувшись колен Ольги Андреевны, и приподняла воздушную ткань, и повернула плечо в одну сторону, потом в другую, – едва заметно улыбнулась, – резко сорвала... =

: и с себя;

: и с Оленьки;

: и, с пришедшей из света...

Сорвала мягкую ночную накидку: волосы ещё плавно падали вниз, рассыпаясь на обнаженных плечах, а она уже пристально смотрела на две маленькие дульки, всегда бледные от тенистого места.

Торшер лизнул теплом соски и нервная дрожь, – через спину, – кинулась в волосы, и через плечи – обронила холод на живот и, шевельнув кудри лоно, дрогнула в коленях.

Ольга Андреевна ладонями приподняла груди немного вверх и нервно толкнула свои рёбрышки вздохом, чтобы выше задрать носы титек.

– Тряпочки... Всё уходит... грудь девичья... грудь матери и... всё уходит... тряпочки...

Объём отражения навалился на Ольгу как на собственную тень и она опустила руки, а зеркальный воск застыл перед ней профильным срезом, – женщина посмотрела на себя сбоку, где вместо упруго-острого излома, торшер огибал плоскую линию, увязая в мягкой коже и, лишь в нижней части живота, и в бёдрах жил тугим бронзовым блеском.

– Любимой мне не быть...

Ольга Андреевна оттолкнула себя и они обе рухнули на кровать.

– Поэтому они непостоянны. Коты мартовские!...

Каприз печальной краской скользнул по её лицу тоненьким горячим ручейком, и светло-грустная нить мулине зажглась покойным светом торшера.

– А время-то?!... где он опять..., – Ольга Андреевна встала быстро укуталась дымкой ночной рубашки и опять вошла в зеркало, где столкнулась с тихой улыбкой изнанки бытия и, соединяясь с этим пространством, изваяла своей плотью строгость лебяжьего нрава. – А сколько их, мною отвергнутых...

Она отвернулась от себя и раскинулась устало на кровати.

– Кроме одного отвергла всех! Дура... он не любит ме-

ня... хотя: ревнует же.. он просто эгоист! Бойтся, – рогатым станет! Да-да, это эгоизм в нём и не больше!... Неужели сучка завелась?! Это нас нужно под замком держать!... Нас!

Голос Ольги Андреевны был слегка прибавлен гирькой часов, – нескончаемым пульсом многоточий. Её волнение и воображение, рождённые полуночным часом, не углублялись, хотя и не угасали вопросами: она боялась измены мужа и думала об этом штрихами – без пошлостей.

Абрис мыслей и отражение Ольги, сумрачно теснившиеся на полированном шифоньере напротив, были равными: неясными, нечеткими, неровными...

!Её рука потянулась к торшеру и свет погас! —!Тьма и свет стали нервно сменять друг друга!

Выключатель щёлкал, а зрачки в её глазах не мигали...

– Да, нас надо... под замком! А они? Чего это я одна и одна?!... Нет, если работа, то... ладно, а если... Да-а... Вот лежал бы рядом... Какое счастье! – она улыбнулась и укутала себя тьмой!...

Она лежала, рассматривая искажённый собственный силуэт, и жалела, что не может разглядеть ни собственных глаз, ни женских линий в своём теле из-за мутной толщи лакированных досок многолетней старинной мебели.

Она смотрела на шкаф, как на пыльную картину и ненавидела «автора» данного произведения. Ненависть к нему ро-

дилась давно и жила иногда вечерами.

– Он боялся меня, – опять печально сказала Ольга Андреевна, подчиняясь пространству воображения. – Он моей красоты испугался. Откровений... Он рисовал мой портрет с моего отражения... Он испугался любви... Дурак! Ему только шахтеров рисовать, или железнодорожников...

Ольга улыбнулась и пожалела: отражение не заметило такую мелочь. В пролакированном пространстве рука скользнула к груди и она почувствовала в своих пальцах сосок... Полированная слизь потянулась к Ольге Андреевне теперь обеими руками: пальцы ласкали и грудь, и обжигали ноги...

– Я на шпалу и похожа там! – Ольга взволнованно раздвинула ноги. – Цензура испортила картину!... Да!... Посмотрели и заставили одеть... потемнее, чтоб под спецовку... Фу...

Пеньюар раздражал!...

В лакированном дне мелькнула дымка ночной накидки и упала туманом в зеркальном пространстве.

Рука потянулась к торшеру и всё кругом пропало: и только топот стрелок продолжил жизнь в тёмной комнате, и только чьи-то тёплые руки!...

...Ольга почувствовала Его во тьме и затихла: тёмно-лунная плоть прижалась к ней и обожгла уста, а потом по щекам обронила на плечи и облизала соски... Тряпочки наполнились сучьей тревогой и ожили... Ольгин язык бросил влагу на губы, а тьма истерично закрутилась вокруг пупка

и сорвалась на губы, и размазала по волосам горячую жидкость, и обняла мягкую попку и влезла в мокрый чубчик – ноги сжались и сдавили ночь...

Бабочкой, вновь, застыли и зависли чувства – ампутировались: объятья янтаря и алтайского мёда – утверждали блаженство в порочном мгновенье экстаза!...

Ни напряжённая гладь зеркала, ни полированная глубина красного дерева не хранили в себе абрис Оленьки, поэтому грех самки умирал во тьме, пугая экстазными стонами только мирный бег стрелок и приближал сладкий миг слияния с тьмой...

– Ш-шпала... ж-железнодорож-жная... рельс-сы... и острое сюжета, и дорога, как судьба! – глаза Оли не только видели, но и слышали себя юную и, перманентно, слепую: высокомерную и дурную, но красивую, с вызывающим видом, начиная с ресниц, из-за которых смотрела и оценивала мир сей, но вместе, с той козой, сейчас, не пелось...

А я всё вижу?!...

Я не слепая!

Я не такая,

чтоб ждать трамвая!...

на остановке,

где проживая,

проходишь ты,

не замечая...

как юбку я!
приподнимаю:
чуть-чуть!...
чтоб видели не все!
тебе —
взглянуть!

Я с каблучка шагала по Москве...
И с высоты смотрела сквозь ресницы!
Искала я судьбу не на земле...
Но, вдруг,
в трамвайчике! —
столкнулась с принцем!
Он подал руку
И!...

придвинулся ко мне,

И!...

я сошла с небес:
как вам

И!...

не снится!...
Не обнял он —
так-как,

в другой руке...

Был ароматный запах!

От курьерской пищи...

– Дура...

Пульс онемел в ней, и всё провалилось!... – с ресниц Ольги сорвалась слеза, царапнула щёку и вернула чувство...

– Значит, художник не виноват, его заставили... Ведь была красота... была! Художник – тряпка, тряпка и слюняй... Ведь была красота...

Ольга Андреевна опять впустила свет, – всё так же бежало время, пропуская песок из одинокой руки...

Женщина встала и столкнулась с грешницей.

– Да, красота была...

Она отмахнулась от себя и влезла под одеяло.

– Где же он шляется?... Эгоист... Ладно... Всё! Всё: сплю!

Укрыв себя тьмой, Ольга Андреевна позволила сомнамбулизму перетащить отражения её мыслей в ладони любимого и опьянела от сладкого сна, но чужие слова и чужая улыбка возбудили брезгливость и она от страха проснулась: включила свет!... В пространстве застывшего лака устало плавала всё та же картина...

– Надо его переставить! – изнанка Бытия, в вязком дне полировки, застыла от бессилия сбросить тяжесть мёртвого леса. – Приснится же... У него кто-то есть! И сюда, кобель,

её приводил!...

Ольга Андреевна с отвращением оттолкнулась от подушек и села посредине кровати, поджав ноги.

Омут деревянного блеска смотрел на неё стылой горько-солёной лужей слез, в которой отразилась соперница...

Пахло секретией...

– Я дура!

Она брезгливо вытерла простынёю руки.

– Шкаф нужно убрать и купить неполированный.

Рассердившись на себя и на мужа, она опять позволила размеренным звукам часов терпеливо точить ночь до рассвета, до нового дня...

Иллюстрации сна стали основой реальности, а реальность насытила иллюзии сомнамбулизма, размыв меж ними все грани... =

: гирьки часов, свинцовой лёгкостью, нависли над женскими веками тайн и воображений;

: цепи гирек потянули свой ход – на завод, протрещав в механизме пружин полновесно;

: невесомая тяга гирек, вновь потянула мгновения времени – в вечность...

Топот стрелок продолжился и отсчитал, своим боем, границу между ночью и утром.

Часы мелодично отбили вступленье, будто, к песни, от раз – до четыре!...

Ольга Андреевна глубоко вздохнула, а ладони поправи-

лись – сласть, под щекой и, вдруг, она задержала дыхание!...

Раздался звук противного и требовательного звучания звонка!

И тишина!

Звонок вновь заполнил пространство: толи реальности, толи сна, толи всего в этом мире и сразу!...

И тут же стих, как сверчок – в тайне тёмных кустов, у рояля!

И тишина наполнилась... =

: и лёгким дыханием женщины – она сладко выдохнула, и улыбнулась;

: и лунной дорожкой, по которой она шагнула в зыбь пред-
рассветную босячком;

: и той симфонией, которой дали отсчёт часы старинные...

Отмерили небесными литаврами: от одного – до четырёх!...

И!...

Крышка рояля открылась и смешала белое с чёрным:
дизезы с бемолями ожили реальностью в полутонах...

Рассвет – запел!...

От белых простыней!...

спешит рассвет —

в проспект!

И!...

в пылких, обоюдных чувствах:

они —
не у Земли!...
А на крылах —
вдали...
Уже:
у невесомой люстры!

Из белых атмосфер!...
спешит в сюжет —
балет!
И!...
утверждает жизни чувства:
они —
не у Земли!...
А на крылах —
вдали...
Уже:
за невесомой люстрой!

По белым облакам!...
спешит их сон...
с дождём!
И!...
в вечность поднимаются все чувства:
они —
не у Земли!...
А на крылах —
вдали...
Уже:

над невесомой люстрой!

Под белые стихи!...

спешит душа —

в слова!

И!...

исповеди в дивных чувствах:

они —

не у Земли!...

А на крылах —

вдали...

Уже:

на невесомой люстре!

От белых куполов

спешит в прилив —

мотив!

И!...

в этих окрылённых чувствах:

они —

не у Земли!...

А на крылах —

вдали...

Уже:

у невесомой люстры!

По белым облакам!...

спешит их сон...
с дождём!

И!...

в вечность поднимаются все чувства:
они —
не у Земли!...
А на крылах —
вдали...
Уже:
над невесомой люстрой!

На белой высоте!
спешит к нам хмель,
как шмель!

И!...

вот, уже в шампанском чувстве:
они —
не у Земли!...
А на крылах —
вдали...
Уже:
в-вот!...
в невесомой люстре!

А белое вино?!...

спешит вблизи:
«возьми!»...

И!...

в невесомости плавают чувства:
они —
не у Земли!...
А на крылах —
вдали...
Уже:

И!...

н-н... невесомо —
в люстре!

По белым облакам!...
спешит их сон...
с дождём!

И!...

в вечность поднимаются все чувства:
они —
не у Земли!...
А на крылах —
вдали...
Уже:

над невесомой люстрой!

...От белых простыней!...
спешит рассвет —
в проспект!

И!...

в пылких, обоюдных чувствах:
они —
не у Земли!...
А на крылах —
вдали...
Уже:
у невесомой люстры!...

город Москва

ЦИМБАЛИСТ

НОВЕЛЛА

*В стиле «Rock-in-Room»
in the style of «R-&-R»*

Крыльцо лениво тянулось из грязи к двери, почернев в этом времени, устало прогибаясь в скрипах каждого шага посетителей почтового отделения.

Серая улица мерно втаскивала себя под лоб – в глаза Иннокентию Цимбалисту и сжимала его торопливый пульс, и связывала, и озлобляла. Вспотевшая рука, во тьме кармана, теребила в паутине нервов извещение о денежном приходе.

– Уехать быстрее!... уехать!... чёрного золота захотел!... фонтан говна! Бросить бы кисленького на каменку!...

Раздражало всё: хмель – бумажка – суета старух!...

Изводила округа печальных изб: тяжесть грязи и сидина ковыльная, и сидина голубиных испражнений на полотне со словом «ПОЧТА», и тяжесть бездорожья.

– Вороны кашкарские! – выпал клубок едкого пара в сторону старух.

Протяжно запыхтел в атмосфере трактор и скис.

Бабье лето опавшим листом дотянулось до трав: голые

ветки царапали небо, пространство стонало журавлиной тоской, истребив в себе и шум пчелы, и бич, и мат пастуха, и солнце. Радуга не пронзала выпясы мелкой дождливой пыли: в щетине холодных осколков созревали вынужденные всхлипы пилы под согнутыми мокрыми спинами. Тяги дымоходов гнали тепло огня и золы из скиний мирян, укладывавая низкий ватин неба.

– Денег мало и поэтому с вашим переводом только после старух.

Иннокентий Цимбалист шагнул сквозь изломы крыльца, через вязкую грязь, мимо жизни старух – к стене: стена узла связи придвинула шершавые грани заваленного на бок ящика – сел.

– Будет отпускать-то? – спросила самая высокая из толпившихся у крыльца пожилых женщин.

Иннокентий кивнул, старухи оживились.

– Получим ли до обеда? – и тупой угол крыльца срезал тёмную глину с сапога той же бабки.

– Ты, Марта, успеешь. Ты первая. – Отозвалась самая никудышная – Клавдия: маленькая, пригнутая временем-ношей на палке-опоре, отшлифованной морщинами до зеркального: земля бережно держала старое тело, как младенца и деревянное отражение меж сухих пальцев возвращалось к пульсирующей мякоти темени и тянулось к платку.

– А я какая? Последняя опять? – вмешалась самая молодая.

– Так Фаина, – подтвердила Клавдия, навалившись грудью на костыль.

– Интересно, а кто за Мартой?

Высокая старуха начала объяснительный сказ.

– За мной Авдотья...

– Евдокея! – исправила полная.

– Я и говорю, – Марта размеренно кивала острым носом, – за мной ты, потом Клавка, дальше Устя и Файка.

– Все успеем, – зевнула Устинья и сплющила конец папиросы тупыми дёснами.

– Как же: первый раз что ли? – не унималась Фаина.

– Да отвяжись, боже! – твердо остановила Марта. – И Авдотья спрашивала, и мужик, вон тот: сейчас отпускать будет.

– Евдокия я! По новому паспорту называйте! Не надо по церковному! А ты, Файка, успокойся – Фрол плетётся – он последним будет.

Мокрая фуфайка застряла в бабьих зрочках нескладной латкой.

Голубиный помет бросился в серость дня – старик свистнул беззубой пастью: дождь тяжестью своей отнял у птицы полёт.

– Что, старые, зубов нет, а пенсию дай! Все дожили?! – гаркнул вместо приветствия Фрол, и тихонько дёрнул из рук Клавдии подпорку, – пересчитайсь!

Старухи рассмеялись.

– Сын-то уехал? – спросила Клавдия.

– Ага. Утром ещё.

Устинья отбросила папиросу.

– Чего же припозднился: мог бы и раньше, когда картошку копали?!

Фрол вознёс к ушам мокрые тяжёлые плечи, подтянул локтями штаны и вытащил из кармана очки.

– Семья, работа, дела, – отрывисто сорвались выдохи на линзы. – Понимать надо... До обеда полчаса... Когда давать будет?

– Узнал бы: на тебя она не шумит, – тихо попросила Евдокия, – В магазин товар завезли: Марте пимы нужны.

Лукавые морщины увеличились в петлях оправы.

– Хорошо, Авдотья...

– Да что вы всё по-церковному! – обиделась она.

– Не по-церковному, а по привычке. Извини.

Старик наклонился вперёд, его ноги застучали по ступеням, – заскрипела дверь: холод блеснул в глазах девицы.

– Я тихонько.

Эльза молчала. Чернильные оттиски падали на бумажки: ритм осени.

– Лиза, до обеда выдашь?

Штамп уткнулся в тёмно-синюю губку – влажная тряпка завертелась в женских руках.

– Свет включите.

Фрол столкнул полюса.

– Дочка, может воды принести?

– Нет: расписывайтесь.

– Как? Вот ведь! Спасибо...

Графа приняла кривой почерк: и пальцы вонзились в деньги.

– Остальные получают после обеда, – сухо объяснила Эльза.

Пенсионные крохи едва удержались в руке старика.

– Они же у крыльца... да и время ещё... нашими ли ногами, Лиза, грязь месить...

– Все здесь? – прервала старческую песнь Эльза.

– Ага: дожили...

– Только быстро, и только по одному.

Фрол среагировал моментально: дробь короткого шага смешалась с вязким скрипом старого крыльца, – старухи толчились на ступенях.

– Так, – быстро! – скомандовал дед. – Кто? Марта?! Давай!

– Очки не найду! – взвыла она во всю длину.

– На мои! – нашёлся старый солдат.

Марта потянулась к теплу любимого государства, – скрип распахал суету, – дыхание старых изобразило на перепонках Фрола тишину. Смех толкнулся в теле старика и сдох.

– Кто следующий?

– Авдотья! – сработал хор.

– Да, – подтвердила Евдокия, – я!

– Ладно: получайте. Обмоете, когда вперед ногами понесут.

– Обмоем. Всё по-людски сделам! – изрекла деснами

Клавдия. – Ты не волнуйся, Фролушка.

Старик не слушал: руки ворвались в карманы... =
: ладонь правая плюхнулась на упругие бумажки;
: другая схватила жменьку монет и загремела ею;
: отвислая мотня широких брюк затрепыхала...

Перешагнув через лужи, Фрол сел рядом с чужим для этой деревушки человеком.

– Серо кругом. Неперспективная...

Иннокентий промолчал.

– Фрол, – представился дед.

– Иннокентий Цимбалист, – без интереса произнес мужчина.

– Цимбалист? – живо переспросил Фрол.

– Ага.

– Очень приятно! – скривив губы продолжил старик, и его кисть, перебирая пальцами, забегала паучком по животу. – А я баянист. Фрол – баянист.

Улыбка лизнула похмелье парня. Старик обрадовано потянул воображаемые меха.

– Честней, Иннокентий, – гармонист. Вон девки знают...

Денюшку – в карманушке

Копейка бережёт!...

Рублики считает:

На пенсию кладёт!

Денюшку – в карманушке
Копейка сбережёт!...
И!...

ею же – не рубликом,
В нищете – умрёт!

Денюшка – в кармане
Из рублей-нулей!...
Улица, аптека:

И!...
расстался с ней!...

Денюшка – в кармане
Из рублей-нулей!...
С пенсии – на всякий!
Чарочку – налей!...

Пожилое горло коснулось голосистого дыхания гармонии.
– Утоптывались бывало... А ты в гости или по делу?
– Я мимо.

Фрол задрал ноги и бросил друг на друга сапоги: грязь
плюхнулась в грязь, в которой его глаза равнодушно прово-
жали Марту, живо шагавшую в сторону сельмага по колее.
– А цимбалист, – он на чём? – спросил дед после паузы.
– Это фамилия, – коротко швырнул Иннокентий.

– Как?!

Смех потянул к лужам кашель.

– Ты не первый, – без удивления и обиды оборвал Цимбалист Фрола.

Дед сплюнул – затих...

– Вам уже выдаёт? – задал вопрос Иннокентий.

– Пенсию? Выдаёт. Ты тоже получать? Ох и Лизка! Вредная... Любит тянуть мёртвого за... Значит, сказала, что после нас?

– Ну.

– Плохо дело. Тогда после обеда. Всегда так – натура.

Узел почтовых линий возопиil голосами.

– Вот, – уже гремят!

Фрол вцепился в атмосферу легкими, – потянул и устало бросил стылый кусок неба, – и засеменял к крыльцу...

– Проститутка! Я напишу! Изведу тебя! Никаких законов для неё! – Фаина сплющили пространство до визга. – Я сама связисткой была! Ух, ты дрянь!

– Файка! – дёрнул грубым словом Фрол. – Уйди.

– Чего тебе?

– Уйди!

– Не командуй! Сам-то расписался!

– Уйди! – гаркнул старый.

Файка отступила: вернула Фролу очки, перевернув оптикой весь серый день, – а после постигла хребет порога.

– Нехорошо, Лиза...

– Я – Эльза! – вытаращила глаза почтальонша!

– Да, я в сорок пятом, вот таких вот Эльз! Из огня на руках выносил! И не за шнапс!

– В сотый раз рассказываете.

Фрол улыбнулся.

– Дипломатничаю, дочка, – шучу...

Деньги выползли из кармана: рука старика потянула купюры к столу.

– Перепиши на неё.

– Нет.

– Лиза, – бархатом вспухли его губы, – наша гвардия небольшая, скоро все – пш-ш-ш... Внимания бы, а, Лиз?

– Внимания? А мне кто в дыре этой внимания окажет? – обнажила боль Эльза.

Дед сунул деньги в карман.

– И то верно.

Половицы заскрипели: у самой двери остановился.

– А чего парня томишь?

– Какого?

– А того, – у крыльца, – за деньгами...

– Обед у меня!

Фрол шагнул на крыльцо серого дня и угодил в дымный выдох Устиньи.

– Фу, язви вас! Чего случилось?

– Да тянут её за язык! – осудила Евдокия. – Разбирайтесь, я пошла. Пойдём, Клава.

Костыль Клавдии потоптался в грязи, столкнув землю-планету к следующей пенсии, и залез под мышку, устремив грязный нос в следы Авдотьи.

Руки Файки месили платок носовой: крошили мольбу или маты валившиеся с морщинистых губ.

– Рассказывай, – бросил старый.

– Да ничего собственно... сказала, что совесть надо иметь и началось... Я пригрозила: напишу! А она... Фрол, напишем? Фрол...

На крыльце появилась Эльза.

– Молодой человек: зайдите! – крикнула она.

Серая улица вновь двинула себя под лоб – в глаза Иннокентию Цимбалисту, подставив ему крыльцо, дверь, стол, девушку...

– Ладно, напишем, – ответил Фрол.

– К Авдотье пойдём и напишем! – поддержала Устинья, сжав губы колбасной завязкой, чувствуя копчёный вкус папиросы.

– Спасибо, – пропела Фаина, – Я сейчас! Скажу, что смогу после обеда.

Обиженная решительно переступила порог: Эльза рассчитывала Иннокентия.

– Девушка, – указательным пальцем продырявила пространство Фаина, – я в четыре часа деньги возьму.

Ладонь Файки маленькой точкой хлопнулась в родную грудь: императив сургуча пнул узел связи.

– В четыре утра? – ошетибилась Эльза, медленно поднялась, – протянула пачку купюр Цимбалисту, – и зацокала острыми ногтями по столу. – Денег больше нет, бабуся. У товарища крупная сумма.

К указательному пальцу Фаины потянулись остальные окончания кисти и ткнулись в грудеживот, – сжались и ткнулись в дверь: крыльцо заныло...

– Что?! – испугался дед.

Старуха жадно хватала свежий воздух.

– Все деньги отдала этому!... Я напишу!...

– Напишем, напишем!...

– Напишу!

– Напишем, ты успокойся!

Из почтовой избы вышел Цимбалист: на крыльце стало тесно.

Иннокентий быстро отсчитал пять купюр и сунул их в мокрые руки Фаины, – шагнув в колею, и торопливо пошёл, втаптывая следы Марты и Клавдии, следы покорной провинции, следы самого себя...

Устинья потянулась за папиросой...

Фаина открыла рот...

Фрол аккуратно взял деньги из её рук.

– Цимбалист это...

– Кто?

– Цимбалист.

– Из органов что ли?

Старухи наблюдали пронзившего серый день человека.

– Цимбалист, – Фрол обнял далёкую спину улыбкой, – это должность новая. Они, – эти цимбалисты, – контролеры...
На, положи деньги в карман и пошли писать.

Устинья обняла ладонями крохотный стебель пламени спички.

– Контролеры перестройки что ль? – спросила она.

Старик качнул головой.

Опять кинулся в небо дым папиросы.

– Пошли писать.

Фаина съёжилась от ветра и дыма.

– Да ну её! Кому писать-то?

– Ну и ладно. Нам теперь следующую пенсию выжить нужно...

Крыльцо коснулось ступенями землю: в грязь влипли ноги и потащили её до снегов.

Голубь выпустил из своих лап узел связи – и зачем-то взлетел.

30 сентября 1994 год,

город Москва

Г Л У П Ы Ш К А

Н О В Е Л Л А

в стиле «Rock-in-Room»

in the style of «R-&-R»

Пульсирующий свет в окне – от рекламной надписи – «Ка-
фе Бульон», – всполохами освящал комнату своим ритмом,
но не нарушал покоя.

Всё! —
кипит, парит бульон,
как соблазн – со всех сторон:
проникает, побеждает

И!...

находит,

И!...

теряет,

И!...

ведёт!...

уже?!...

в салон:

Миль, пардон —
препарасьён...

На стене – в этом ритме – наспех выхватывался и затухал портрет семейной пары: она в фате, он в пиджаке с цветком, и с этого портрета свет касался уже и их – живых и спящих...

Кровать расположилась так, чтобы «Бульон» не пульсировал под веки спящим, а стекал в своих пульсах – по ним – от бровей, поэтому установили её, после первой брачной – изголовьем к окну.

Улеглись, как на портрете... =

: он – у стены;

: она с краю;

: лицом к друг другу, дабы дарить друг другу даже дыхания...

Ночь баюкала их в квадрате кроватном не скованно, как на портрете, но и не допускала бдений бессонных: снами милых жила!

Свет рекламы, в мягком ритме-импульсе, менял на их лицах цвета – нежно играл, дарил сказки.

И вдруг!... =

: пульс света толкнул комнату;

: ритм рекламы материализовался;

: пульс и ритм столкнулись-сблизились и!...

Вдруг, в один из импульсов света, будто толкнулась кро-

вать!...

Он —
желателен всегда:

И!...

с утра,

И!...

нужен днём!
А в вечерний час,
Когда...
засидишься —
допоздна!...
Под хмельной бокал —
вина...

И!...

тогда с ним —
до темна:
Вся душа теплом полна!
Ведь кругом —
кафе «Бульон»!
Ну, а в нём...
приют найдём!
Как желанный,
сладкий —

сон!...
Були-гули!
Бул-ли – он:
Ночь скучна?!
хлебни —
до дна!

И!...
кафе уже,
как дом!...

Глаза молодой и прекрасной широко распахнулись: с приятной удивлённостью, она обнаружила – в себе самой – сзади то, что полюбила бы находить перманентно каждую ночь!
Каждую!

Поэтому глаза её! вдруг!... распахнулись!... с небольшим, но дорогим сердцу, вздохом!...
– И-а-а! О-о-о...

Всё замерло!

Зрачки её скозились на рядом лежавшего мужа – тишина...

Лишь блики рекламы и глубина, и вина без стыда, где-то в ней!...

Тишина...

Вдруг, от резкого толчка её тело качнулось...

Она приподняла голову: посмотрела назад, через плечо, затем на объект сна безмятежного и вновь назад...

– Эм-м-м-м!...

Едва заметная улыбка осветилась в импульсах света, голова её покачалась – вправо-влево, желая пристыдить тьму безнаказанную, а указательный пальчик вертелся на прозрачной коже виска – туда-сюда, туда-сюда...

– «Ты дурак, что ли?!», – мол, – «ты что оху-у-у... стику не знаешь в спальне нашей?!»...

Мужская рука сжала ей грудь, как рот вражине, когда в разведке берут «языка» и... замерла!... =

: и, приподнялась над белой постелью мужская кисть;

: и кисть и-и-изобразила из себя шагающего человечка;

: и шагнула по воздуху – из спальни – вон: мол! но...

Но женская хищница-рука, бросилась на бездействующую задницу друга семьи, и впиалась в неё острыми когтями, прижимая к своей упругой и мятежной, всё игривое тело, явившееся из ночи!...

Потом, нежно погладила попку бессовестного семейного друга и посмотрела с любовью на спящего у стены мужа...

Ни шороха, ни скрипа!

!Голова мужа поплямкала сладко, перед дыханием супруги интимно! —!Голова жены приподнялась с тревогой над подушкой, смотря одним глазом на суженного, другим – на прижавшегося к ней сзади – дружка семейного – одновременно!

Затем: эта же рука, которая истребила уход будущих наслаждений, с элементами пантомимы – в жестах – показала указательным пальцем на мужа, затем приблизилась к глазам своим, и как бы повторила неожиданное раскрытие век, потом указательный упёрся в прижавшееся сзади плечо, и после чего сгребла одеяло всей пятернёй и потащила, якобы, на голову: означенное призывало – «если проснётся, скройся под одеялом, я отвлеку!»...

Удовлетворившись всем сказанным, она с нежностью и с лёгким сонным выдохом, отвернулась к мужу.

Все члены его были успокоены, и уши, и руки, и ноги, и... все: будто унесённые ветром, или утомлённые солнцем...

Она потянулась, медленно вытягивая губы трубочкой и едва коснулась поцелуем мужа в нос, как тут же, от толчка сзади, угодила ему – в лоб! И со страхом отодвинулась, не навредив процессу!...

– Ой, всё...

Пульс законного света и движения тел интегрировались друг в друга...

Здесь достойный притон:

Здесь звучит саксофон

Сквозь полынь и паслён...

Хрипло, как патефон!...

Приближает тромбон

Самый лучший сезон,

Чтоб запели вдвоём:
В полутон – в унисон...
Но-вон?!...
За окном-м-м-ч-удозвон
Портит классный бульон,
Наслаждаясь свистком:
Будоражит весь дом!...
Вон!...
Растянулся капрон...
Разорвался картон!
И запел, вдруг, Кобзон:
Расстелился газон!
В тон...
Будь свидетелем, клён,
Куда блюз устремлён —
Страстно и без имён!...
Выдал:
«препарасьён»!

Страсть ночи мгновенно разгорелась бесстрашно, но тихо и одеяло предательски бросилось на лицо мужу – он засопел!...

Пульсы и ритмы невинных, тут же продолжились в комнате, но только лишь светом рекламы!... =

: всё замерло;

: дыхание сдохло на веки;

: сердца двух бились в синкопах меж рёбер, как в кулаке, но внешне всё было тихо, спокойно – мерно спал, и дышал только муж, но...

Но пульсы и ритмы рекламы «Бульона» благоприятно царили для всех: бульоны больному всегда положительны и предложительны от врачей в больницах, после критических дней!

Дыхание, на краю лежащих, порадовалось за стойкость и терпения их, – тех, кто не прикоснулся к свежему воздуху и испытал смертельный голод ради достижения желанной тишины, чтобы не свалиться с этого края – не рухнуть!...

Тишина состоялась и тогда, удовлетворённое дыхание, вновь аккуратно вернулось в их лёгкие почти – легко, с лёгкостью – до святой простоты: четыре глаза настороженно смотрели на пододеяльник...

Одеяло проживало свою жизнь: «Бульон» радовал сказкой и вновь заплямкал хозяин дома и со вздохом приподнял голову над подушкой-судьбой... =

: и замер!...;

: и равнодушно зевнул;

: и блаженно, со страстью помял и обнял подушку, но...

Но всё же его губы пролепетали младенческо-сонное что-то, как с иконы и, вдруг, – повернувшись к стене, – он рухнул и...

И его губы обронили только тёплое дыхание в ночь!

– Тчип-пу-у... тчип-пу-у... тчип-пу-у, – утруждались гу-

бы, вибрируя на выдохе.

И руки слагали гармонию... =

: одна – пространно валялась на собственной заднице, почёсывая её родную;

: другая – нежно, через голову, поглаживала и шею, и ухо, и затылок собственной башки;

: а где-то во сне они обе – молились...

– Тчи... п-п-п-п, тчи... п-п-п-п, тчи... п-п-п-п...

Но друг семьи всегда был неудержим поделиться даже самым последним, – от последней рубахи, – до куска последнего хлеба и капли крови – потому, что в этом бескорыстии всегда получал удовлетворение и удовольствие бессребреника...

Осторожно и плавно их тела вновь двинулись догонять своими дыханиями пульсы и ритмы рекламы, – к обогащению, или разорению...

Всё стало лишним, а весь мир к ним приблизился так, будто – в одно мгновение – крупно – до единственного – охватило остервенение падшей пары: её ухо и левый глаз, и слушали, и внимали его ухо и правый глаз, вцепившись щеками – до дёсен – друг в друга... =

: зрачки их болтались, согласно ритму рекламы в белках, на пороге сомнамбулизма;

: а языки, в розовых крупных пупырышках, ползали мокрыми в темноте по друг другу, или неизвестно где;

: или махали, как собачьи хвосты и лезли, и в уши и в ду-

ши!..

Стон оросил тишину в темноте...

Её рука ползла по животу собственному – к себе и...

И, через мгновение, оба, будто, заплакали и простонали,
а потом, под одеялом, ещё и поплямкали...

Стихло всё – оборвалось... до света ровного, мудрого:
до утра...

Он —
реальность —
не мечта

И!...

в снега,

И!...

под дождём!
Проникает в нас всегда,
До нутра

И!...

без вина!
От штиблета —
до дерьма...

И!...

до самого темна!

Чтоб запела,

вдруг,

душа!...

Ведь – кругом:

кафе «Бульон»!

Ну, а в нём...

приют найдём!

Как желанный,

сладкий —

сон!...

Були-гули!

Бул-ли – он:

Ночь скучна?!

хлебни —

до дна!

И!...

кафе уже,

как дом!...

– Слова божественные слышу, – вертелось в голове и на губах её сквозь сон, – стихи мои родные! Простые и смешные, но мои – откуда-то с небес и в них какой-то бес! ... да-да, как будто, бес...

Она проснулась лицом к ночному чудо-сну и обнаружила

записку:

Однажды...

Попадье заполз червяк за шею

Она велит ловить его лакею

Лакей стал шарить попадью

– Но, что ты делаешь?!

– Я?! Червяка давлю...

Коли тебе заполз червяк за шею

Сама его дави, а не вели лакею...

Она улыбнулась, – потянулась...

Рукой пошарила там: где-то за собой и с облегчением вкусила всё, как сон, как наважденье и желанье сбыться всему внове!...

Записка выпорхнула из её пальцев – за край, куда-то – на пол!...

Зашевелился муж, сел и застонал, еле приоткрыв глаза...

Жена с восторгом повернулась к памяtnому краю кровати и подняла – с полу, как с пылу-жару – листок-записку! И... =

: понесла, вращая ловко попкой – назад – к стене;

: к нему, родному мужу, листок бумаги;

: бумагу, на которой – миг поэтический во снах...

Поэтикой она открыла рот, но хозяин дома, кровати собственной и тёплого угла, прикрыл супружние божественные

чувства – ладонью липкой, и простонал, схватившись за голову, и разорвал с трудом сухие губы, лишь простонав желанный жест о скорой помощи...

– Пока ты спал, – вырвав из его ладони рот, зачем-то затянула песней баба, – мне Бог стихи послал: басенку, как песенку...

Жена игриво завертела в милом ротике язычком!

– Ля-ля!... ля-ля... ля-ля-ля!

Муж простонал, взял лист-поэзию и жестом показал знакомое – попить!...

– Ой, с-с-щ-щас-с! Читай!... моё.

Он склонился к краю кровати и к полу... =

: смотрел на бумаге в фигу;

: зрачки покатыл по строкам;

: читать стал, что-то читая...

Веки укрыли-обняли, где-то внутри себя текст: с ним он куда-то пошёл и пошёл, и пошёл, и...

И с чем-то пришёл!

Положил поэзию на пол, где валялась ручка и жена, наконец, принесла напиток!

Любимый сил нашёл и потянулся к таре, как к самому дорогому в этой жизни... =

: и один залп, и...;

: один лишь только – залп, и...;

: залпом выпил всё!...

О праздник!...

Он поцеловал её, как милую свою спасительницу и упал – в кровать, на своё место – к стене: любимая прильнула рядом, поглаживая ему волосы и улыбнулась таинственно, улыбнулась, улыбнулась, улыбнулась...

Вдруг, она заметила приписку на листке-записке!

Потянулась с нетерпением к нему с тревогой и любопытством, как и со страхом... =

: взяла его пальцами;

: взяла его в руки;

: взяла и взглянула...

– Вау: приписочка... под поэзией моей:

– «Ой, будто, я дурак?!... Это Козьма Прутков... глупышка»...

– Прости – не знала! – прошептала игриво она и, затем, уже кокетливо произнесла голосом желанной сучки! – А может, бокальчик винца и не один?!...

– Да-да-да-да-а-а... ми-и-лая-а-а... но чу-чу-чу-у-уть по-п-п-по-о-озже... О-о-о-о-й-ёпытва-фу-м-м-м... ля-а-а...

Муж сладко поплямкал...

– Козьма Прутков... ладно, один ноль! Дружочек... ну-ну: как бы ноль в нуль не превратился... как бы не обнулится!...

Жена с гордостью и светлой улыбкой посмотрела на мужа, бросила поэзию на пол, и нырнула под одеяло, и прижалась к нему крепко-крепко, и засопела...

И воспела... новую поэзию – из чьих угодно, но как свою!

...

– Я тебя люблю...

Он, —
как жажда
И!...

беда,
Навсегда!...
нам быть вдвоём:
Вместе с нами

И!...

луна,
поняла...
всё с высока!

И!...

плеснула нам сполна
полнолунием —
до утра...
Чтоб тянулась к ней душа!
Ведь кругом —
кафе «Бульон»!
Ну, а в нём...
приют найдём!
Как желанный,

сладкий —
сон!...
Були-гули!
Бул-ли – он:
Ночь скучна?!
хлебни —
до дна!

И!...
кафе уже,
как дом!

Рассвет уже чуть обелил ночные сумерки в комнате.

Пульсирующий свет в окне – от рекламной надписи – «Кафе Бульон», – всполохами освящал комнатное пространство своим ритмом, но не нарушал покоя.

Покой прикрывал сновидения, в которых – фантазёр и хулиган сомнамбулизм, был весел, балагурен и лучист... =

: бульон был наваристым и горячим;

: бульон будоражил кровь и пылал в лицах;

: бульон пульсировал ритмом пространства кафе и...
И!...

Пел...

Реклама судорожно полыхала в буйстве их половой близости – там – прям, на столе – в соитие!...

Всё рухнуло!

Всё! —
кипит,
парит бульон,
как соблазн —
со всех сторон:
проникает,
побеждает

И!...

находит,

И!...

теряет,

И!...

ведёт!...
уже?!...
в салон:
Миль, пардон —
препарасьён...
Туда лишних не берём!

И!...

с вином его глотнём!...

стон безумный извлечём —
на мгновенье пропадём,
как коньяк Наполеон,
будто:
заживо умрём?!...
также,
торт такой сожрём!
На перрон судьбы —
сойдём...
Пропадём

И!...

попадём!
мухой —
в мёд,
или —
в гудрон...
Измотаемся —
в рулон

И!...

как будто бы,
в вагон —
мы шагнём!

И!...

поплывём...

И!...

конечно,
«улыбнём!» —
ароматный павильон!
Кафетерия «Бульон»!...
Здесь отведай

И!...

с собой!...
забери бульон —
он твой:
окунайся с головой!
Слышишь голос?!
«Я с тобой»...

И!...

наварист —
не простой!
Пей!...
мотивы под луной,
Или!...
сладострастно вой!...
от весны

И!...

до снегов:
ведь не сто'ю —
ни-че-го!
Но потом,
за то —
стою»,
как респект —
в хмельном меню!

И!...

отдельно —
на краю:

И!...

всегда предмет люблю,
если зримо заманю!...
Любо-любо-любо!...
ню...!
Ты сейчас не торопись:
Ты лишь только оглянись!

И!...

немного присмотришь,
мной с собой —
распорядись!...

И!...

Без этих —
никаких:
«когда-нибудь,
или потом?!»...

И!...

всё,

И!...

всё!

И!...

ты уже?!...
влюблён!

И!...

упоён,

И!...

удивлён?!

Душа моя уже —
в тебе

И!...

этот праздник?!...
не в вине:
играет – возбуждает!
желает – не моргает!

И!...

близость обожает:
на огонёк —
иди!
прохожий

И!...

захожий,
не проходи-и!...
и-исцеловать —
уже!
по-райски,
может,
только —
он!
Були-гули...
Бул-ли – он!

С лёгкостью

И!...

до нутра...
с сегодняшнего дня:
с рассвета —
до утра!
Быть в близости —
с тобою!...
кру-гло-су-то-чн-но:

И!...

утолятся —
вместе!...
бе-зра-с-с-су-до-чн-но,
может,
только русский

И!...

чуть-чуть французский...
свежий,
терпкий,
узкий:
препарасьён!...
В прононсе —
он потом —

лосьон!...

затем «Шанель»

Иль!...

«Бенеттон»!...

«Наполеон»...

И!...

само-пиво-гон!...

И!...

всё:

пardon! —

только —

бульон...

в кафе —

с одноимённой вывеской,

которая напротив,

как выйдешь!...

на балкон...

Здесь достойный притон:

Здесь звучит саксофон

Сквозь полынь и паслён...

Хрипло, как патефон!...

Приближает тромбон

Самый лучший сезон,

Чтоб запели вдвоём:

В полутон – в унисон...

Но-вон?!...

За окном-м-м-ч-удозвон
Портит классный бульон,

Наслаждаясь свистком:

Будоражит весь дом!...

Вон!...

Растянулся капрон...

Разорвался картон!

И запел, вдруг, Кобзон:

Расстелился газон!

В тон...

Будь свидетелем, клён,

Куда блюз устремлён —

Страстно и без имён!...

Выдал:

«препарасьён»!

Очнулись... в близком танце акта и!...

И!...

Упокоились внезапно, и обмякли...

– Тук-тук!... А я несу вино! Ребята, вы проснулись?! –

игриво крикнул из коридорных далей он. – А, может быть, бульон? Я мигом... прямо с балкона закажу! Или хлебнём, сначала... Ну, кто-как любит?!

Женщина укрылась простынёю...

– Я люблю!...

1 ноября 2017 год,
город Москва

БЕССОННАЯ НОЧЬ

НОВЕЛЛА

в стиле «Rock-in-Room»

in the style of «R-&-R»

Юбка ночи исчерпала свет, – стены потащились в бесконечность и мысли бросились туда, по этому коридору, – во все тёмные углы, а темя, как пуп данного бега, лежало в подушке, пытаясь обрести сон и всё оборвать, но стены, углы, стены, углы и двери... к сомнамбулическим граням...

Тьма и неистребимые мысли, мысли, мысли...

Тьма, а из тьмы – «тюк»! и они оторваны от темени, – «тюк»! и пусть летят в пространстве, цепляясь за прошлое, за настоящее, за будущее...

Ночь!

Тишина – гармоничный шум определённого времени суток.

«Тюк», «тюк-тюк»...

Странные звуки неустанно бились в тёмных углах квартиры.

Старик Шушарин лежал, прикрыв глаза, мусолил сообра-

жения, сладко нанизывал, – и так каждую ночь.

Прострелившие шум тишины звуки нагло вогнали в коридор мысли объём комнаты. Старая голова приподняла темя над подушкой: теперь мысли лапали стены квартиры... =

: каплет что ли?!...;

: помылась старая, закрыла не туго;

: йе-йё, мать!...

– Бабка! Чтоб ты... э! Во, человек, спит и хоть бы...

Одеяло упало на ковыльную плешь и лёгкая ткань ночи толкнула тьму, и потянула стены в сладкую пропасть: старик звать больше не стал – его ждали! – всё млело внутри! – всё чесалось: сейчас он будет один! И кругом только – тыл!...

Мозг деда проигнорировал пространство комнаты и пронзил мир-быт, как в молодости, средним пальцем, и жадно обнял атмосферу сегодняшнего дня... =

: раскрошил тесноту комнатную – шагнул в горизонты;

: день прошлый, как пришлый – и они со старухой вновь и вновь на смотре гармонистов;

: сердце старика вошло в дневной ритм, рёбра разошлись – натянулся воздух! – и поплыли морщины – меха вдоль и поперёк – в самую душу...

«забываем, – с нежностью думал старик, – соловья народного! забываем! эх, гармоника! она как родилась?! её душа требовала! ведь что может, а! ты на ей, окаянной в рени-мации врежь – палата дыбом встанет: куда хворь денется... и как делает: рванёт меха во всю удаль и споткнётся, вдруг! –

а ты уже замер – ждёшь, а она молчит, мает тебя как девка красная, намучает до боли у пупка и... отдаст всю душеньку свою удалую каждому! или распалит тебя и обманет... уйдёт сладко маня переборами, пококетничает в сторонке, а потом опять откуда-нибудь, да с выходом! оп-па!... эх, да она как девка! – вдруг дошло до Шушарина, – страстная девка, даже может и стерва: в них тоже что-то есть...»...

И помчалось тело Петра Степаныча, в бесконечность странствия разглаживая морщины... =

: и весенний свет пробил ночь!...;

: и мотня затрепыхалась скрытно!...;

: и растянулась гармошка до онемевшей глади в твёрдых молодых руках...

Гармонистом он был отменным. Девки вились вокруг...

Эх, деревня-матушка, – в ней всё! Женился там, в девках старуха была статной.

– Все жилы вытянула окаянная! – сладко вспоминал Шушарин. – Всё это так. Прожить – прожили, а беседы не было. Будто всю жизнь врозь спали, разными дверями в дом входили... эх!...

Накипью лежало на душе это с давних лет: брал в жены, думал о полете белым лебедем...

– Курица! – будто меха гармошки, вытолкнуло одеяло: беседы какой-то не хватало Шушарину, – жили и всё больше молчали: не получилось, чтоб полено к полену, чтоб костер!

– Эх, ядрена мать! Эх, гармоника!

Меж тёмных стен мысли роились вокруг деревни, и она – маленькая, – сейчас была в середине большого города: лет пять как перетащились – вот и начали маять деда ночные раздумья, сначала мучился, потом смирился, теперь ждал с нетерпением.

«Тюк», «тюк-тюк»!..

Меха замерли!

Деревня у пыльной лампочки в однокомнатной квартире рассыпалась, и из этих обломков возник день прошедший.

На фоне красок ночи, равнодушия старухи и лампочки – праздник был ярким...

...выступили приглашенные гармонисты и на сцену полезли желающие. Шушарин сдерживал себя – насмеливался, пальцы уже чувствовали кнопки, у пупка заныло: решился!..

Старуха не пустила.

Душа его не обозлилась, просто пусто стало, он ждал ночи.

В коридоре стен и мыслей появились настырные мухи:

«Тюк», «тюк-тюк»...

: «Ото ещё: сделают туалет в квартире!» – досадно сорвался из бесконечности в душную комнату старый.

– Бабка!

Абрис тёмного окна ещё хранил дорогу мыслей и горизонт этой дали был в самом его сердце: старик будто на ладонях своих сохранял вчерашний праздник, – нет!... =

: он не бросит всё это!...;

: он в собственном гнездышке!...;

: он весь день...

...он весь день томительно ждёт ночи, чтобы шагнуть в мирок свой, как в баньку: кого надо намылит, кого надо пропарит, кого в предбаннике будет держать, кого ошпарит; и венички с соображением: кому старый, кому новый... Нет: теперь не вылезет!

– Бабка!

– Что? – лампочка и сонная голова старухи сошлись ближе.

Большие грустные глаза Полины Тимофеевны были на один десяток моложе супружних.

– Кран что ль не закрыла?!

Тело жены прислушалось и лениво побрело, натываясь на тьму, в ванную.

Все болезни кинулись ей в суставы, разгребая сон из мозга.

– Ну что? – спросил старик, когда она вернулась.

Полина Тимофеевна зевнула, легла.

– Это где-то, наверное, у соседей.

Молчали: в огромное давление тишины иглами впивались звуки – «тюк», «тюк-тюк»!...

– Ты спишь? – нарушил тишину Шушарин.

– Нет пока.

– А помнишь: как сегодня гармошечки?

– Ты не спал?!

– Вспоминал! Ты помнишь?

– Помню, помню, Петро. Без столбов забор не стоит.

– Эх, зря я сегодня не вышел!...

В квартире опять затюкал сверчок.

– Может купить гармошечку?! Пенсии хватит. Слышь-ка!

– Отстань: может затопили! В соседнем подъезде затопили верхние: все ковры может попортить ржавчиной.

Хозяйка пошла проверять.

Не обрывалась беседа, когда жену донимали дела, Шушарину для этого достаточно было себя одного, – только не мешай: говел в одиночку.

– Купил и наявивай себе! Можно во двор выйти или из окна прямо – первый этаж. Соберутся!.. Вот чудак-человек! Плясать даже будут!.. Завтра схожу, выберу и...

– Сухо везде. Откуда же тюкает, как каплет? – сна в голо-
совых связках у Полины Тимофеевны не было. – Странно.

– Заботы, – без зла ухмыльнулся старик, – брось, не это главное, спи.

– Теперь уснёшь?! Во, ещё сверху возиться начали.

Ночь в своей крыше проскрипела половицами. Шушарину стало веселее.

– Ну что ты терзаешься? У человека, может быть, понос!
Жена была серьёзной.

Тишина вновь просыпала осколки.

– Если бы понос, он целеустремленно бегал. А это?!

Слышь: туда-сюда, туда-сюда. Что за надобность?

– Может, их затопило? Там вроде тюкает-то...

– Тогда бы и у нас лужа была.

– Верно! – старик удивился логике старухи: интересно.

– Может, пьянствует кто? – продолжила из темноты Шушарина.

– Да брось ты! Тут всё ходуном ходило бы! – доверился опыту старик.

– Тихое пьянство есть. Я от соседок слышала.

Шушарин долго думал, вслушивался, кумекал.

– Нет, в тихом всё равно местами всплеск был бы. Нет.

Молчали-слушали.

– А ты не заметил: поскрипит-поскрипит, потюкает, – тревога в голосе Полины Тимофеевны прижала тревогу к вискам, – слышь: поскрипит-поскрипит, потюкает...

– Может, помер кто? – долбанул в темноте старый.

– Ты чё, – сдурел! – осудила мужа жена, но, подумав, тихо добавила. – Не слыхала.

– А кто над нами?

– Над нами?...

Полина Тимофеевна, вдруг, осеклась, быстро вскочила и включила свет... Глаза были полны страха!

– Чё ты! – забыв про гнездышко, приподнялся на локти Шушарин.

– Там же нет никого!

– Ты чё, бабка?!

– Ничё, броня на этой квартире. На Север уехали! – напу-
гано шипела старая. – А броня осталась на квартире со всей
обстановкой!

– Свет погась!

Ночь явилась мгновенно!

Яркие обстоятельства в черноте ночи... =

: до светлых кругов Сатурна – зрачки вываливаются
на белки;

: нёбо рвётся к воде, как с похмелья;

: и мыслишь тут по-иному, и слышишь в душной тишине
громкие удары сердца, и ждёшь, – как на фронте перед ата-
кой...

Жена устроилась рядом: Петр Степаныч вновь стал стеной
и опорой: он это понял.

– Так, значит! Окна закрыты? Хотя и стекла вытянуть мо-
гут!

– Петенька!

– Цыть! Тихо! Сколь щас время?

– Минутку, Петенька.

Темнота в глазах Шушарина ухмыльнулась.

– Четыре без десяти.

– Четыре... Продержимся! Свет не включать! Зашторь
плотно окна! Ножи на кухне?! Пошли!

Пустота слепых занавесок ночи обнажалась в квартире
стариков на утренних сумерках и утверждалась днём: утвер-
ждалась и ухмылка на щеках Петра Степаныча: у нас брать

нечего!

– Садись.

Старая плакала.

– На фронте, мать, не такое бывало... Отобьемся! Ну-к, налей мне немного!... Плесни, мать... для порядку...

Полина Тимофеевна безоговорочно ослепила руку морозным светом холодильника – достала запотевшую, – и обронила каплю страха на фундамент родного дома.

– А здесь дверь можно и шкафом придвинуть... Отобьемся! – старческий голос зазвучал по-молодому.

Ночь прилипла к счастливым глазам Шушарина: его слова расплющились на чёрных стенах ужасом бабьего воображения.

Старик, он был полон сил! Истосковался: раньше всякое бывало, но по-молодости: балагурно и ветрено, а теперь редко, но с накопленной мудростью и опытом.

Старуха плакала, – рюмка держала в округлой пасти водку, старик подвинул её поближе, и тихо улыбнулся во тьму.

– Ядрёна мать! Мы воинску науку знаем!

– Может позвонить сбегать?

Глаза шальные от бесконечности разъели темноту: будто рыбу тащил удочкой и чувствовал – сорвётся.

– Ты чё, мать, спятила!.. Они же... они... Тс-с! У них там, наверняка, кто-нибудь у подъезда на атасе стоит!

– Где?

– Ну... на посту... предупредить или свидетелей убрать!

– А-а...

Шушарин взял стопку и выпил.

– Ты, мать, давай без самодеятельности. Подождём рас-
света. Может, приляжешь, а я часовым побуду?

– Да, где теперь уснуть. Во! опять скрипит... Ненасыт-
ные... И не боятся же.., – тяжёлые выдохи старухи натяну-
лись пробкой на бутылку.

На перепонки деда осыпались стрелки часов.

– Дело серьезное, – луна вцепилась в края пробки, –
слышь, а когда под шкафом дверь не сдюжит – газ включай!

– Зачем? – напугалась жена.

– Как зачем! – Лунный свет на металле пробки исчез,
и блеск слезы горькой помчался в рюмку: строго и рассу-
дительно. – Что они с тобой нянькаться будут?!.. Лучше –
уснуть!

– Ой, Петенька! – взвизгнула Полина Тимофеевна и упала
лицом ему в колени, – половицы громко проскрипели над
кухней.

: «Перебрал, – подумал Шушарин, поглаживая её по голо-
ве, – слишком большая крутизна».

– Так, не горюй! – муж осознал: сегодня он действует – это
приятнее. – Ну-к, воду на газ поставь! И мне края наполни,
чтоб нутро торкнуть разогревом, язви их!

– Зачем?!

Тимофеевна Полина-былина с оглядкой на потолок скло-
нила горло бутылки к краю рюмки и водка расторопно взо-

бралась по граням – к грани: края открылись хмельной росе и они сбежали празднично на стол, роняя свой аромат в объём кухни.

– Хм-м! Смекалка! – воин задохнулся сладко и горько выпитым, стряхнув с руки капли пролитого, – Сырость только не разводи! Мне ж дороги эти капли... Побереги! Побереги, да: это ж тебе не вода!... Я... язвы их, слезинки наши-ваши... Да... Слезами этими и поможешь, и не поможешь... Не плачь! Смекалку-то зришь?! И шкаф не нужен будет: полезет вор в окно, а мы его кипяточком! Пусть скрипят... Только воду в ванной набирай, чтоб не шуметь.

Пока шумела по трубам вода, он расслабил ещё стопочкой всё своё тело.

Открытый огонь упёрся в дно кастрюли и застыл в глазах Полины Тимофеевны, успокаивая и сердце, и руки, и душу.

Где-то скрипел потолок...

Молчали...

За окном показались светлые краски рассвета, взгляд Петра Степаныча столкнулся с углами стен – никакой бесконечности: ни праздника, ни страха: ни потопа, ни вора. Устал: наступал день, нужно было как-то прожить его, дожидаться следующей своей радости-ноченьки.

Где-то тюкало-скрипело и зрачки старика цеплялись за фундамент лампочки: кого это сон не берет?!...

– Что – вскипело? Тогда налей ещё, – на прорыв пойду!

– Петенька, хватит: совладать не будешь.

: «Успокоилась, ядрёна мать, – спокойно подумал Шушарин, – зря про кипятик брякнул».

Пробка вновь оседлала бутылку.

– Значит так! Как только я пойду, ты из окна что-нибудь выбрось...

– Зачем?!

– Атасовца отвлечь!

– Кого?

Пробка церемониально и беспрепятственно сползла эффектно с макушки бутылки и продефилировала в воздухе между стариками в ведро мусорное.

– Постового! Кумекай: он на шум кинется, а я прошмыгну как раз! – водочная посуда наклонилась, потянулась к кадью и, дёрнув его, опустела. – Главное: без самодеятельности! Самодеятельность – она там, на площади с гармошкой! А здесь надо, как часы: бросишь и форточку моментально – р-р-рас-с-с и ч-ш-ш-шь-ь-ь...!

– Петя, осторожней! – пропела жена.

Ночная Вселенная сомкнулась до скучного дня: Петр Степаныч открыл дверь и скрылся: у выхода из подъезда остановился, закурил: ждал выброса из форточки: дым табака несколько раз пробороздил мысли деда, но было тихо.

– Эх, бабы, воюй только с вами, – мило изломил насмешку Шушарин, выходя из подъезда, – раз десять прикончили бы.

Утреннее солнце и водка столкнулись в пляске, – в солнечном сплетении, – в самой середине старого человека, –

и обжег нервы желудок, – и обострились лучи у глаз, в бесконечности которых засверкало далекое утро... =

: а утро было хорошее...

: утро было хорошее...

: было хорошее...

: хорошее...

...бывало в деревне собираешься на покос рано! и встретит такая чистая синь, подернутая туманом, слегка приникшая от росы, такая застывшая глубина тишины этой, будто на торжество какое собрался! Работалось свежо, размашисто! Днём отдыхали, – когда жара, – обедали, игриво и мучительно переглядывались с девками – тоже особое чувство, а вечером... вечером кудлачили с ними, непокорными, под переливы гармонии, до утра...

– Да, надо выбрать сходить гармошечку... Эх! Обп-ти, синябп-ти, рыжики-синябп-ти! Трибп-ти, бп-ти, бп-ти, абп-ти, синябп-ти!.. К ним на сцену, вчерась, балалаечку бы! Во, пара была бы!...

По груди, по душе, по сердцу забегали измученные никотином пальцы: балалаечка-паутинка из нитей водки, дыма и страсти.

– Ля-ля-ля, дрень-бдзынь, – замурлыкал Шушарин, – ля-ля-ля, дрень...

Стакан ворвался в песню, – пролетел над головой и рассыпался на асфальте. Оборванные струны песни ударили изнутри по уху и заныли в натяжке у пупка.

– Паскуда! – Его взгляд выпутался из дыма мелодии утра и прицельно посмотрел на окна выше своей квартиры.

– Пьянствуют! От он: всплеск тихого пьянства! Паскуды! Значит ненормальные какие-то, у нормальных-то... нет, у них тихо никак...

Шушарин потащил домой сплетение мыслей из матов.

– Ну, что? – волнуясь, спросила Полина Тимофеевна.

– Воров нет и не было! – горячо ответил Петр Степаныч. – Но там тихое пьянство! Эт-точно! Надо милицию вызывать, меня стаканом чуть не убили!

Равнодушная лампочка едва удержала в своем теле спираль, когда маленькие глаза старухи вытаращились: и напухло лицо, – и смех разорвал губы старухи, – и слюна в мелких каплях влезла по воздуху к лампочке, но не удержалась и плюхнулась на лысину деда.

– Так это я его,... – не договаривала фразы старуха, – как ты просил... чтоб отвлечь...

Шушарин хмыкнул зло и моментально вспотел: хотелось шваркнуть жену, но он быстро забыл это, – развернулся и вышел.

На лестничной площадке закурил, теперь уж посмеялся тихонько...

Наступил день...

Когда Шушарин вернулся, Полина Тимофеевна суетилась у плиты.

– В эту квартиру подселили одного, – как-то между прочим бросил Петр Степаныч и пошёл в спальню. – Сидит, тюкает на печатной... тюк-тюк, тюк: книгу пишет...

В комнате было светло, неуютно.

Лёг.

Вошла жена.

– Что же это за муки, Петро?! – сердито ворчала она. – Из ночи в ночь теперь... Пясатель! Стакан ухайдакала... Нет, я пойду к управдому!

Муж не слушал.

«Пишет чего-то, ночи не спит, – мучительно вдумывался Шушарин: он понимал соседа. – Эх! Мне граматёнки бы!... Глядишь я чего-нибудь...»

Петр Степаныч долго думал, потом разделся и влез под одеяло: маленький кусочек ночи, тут же, подарил жменю мира своего и жаркое дыхание толкнулось в одеяло:

– Надо было выйти, вчерась, на сцену! Надо было пройтись! Эх!...

город Москва

ТЛЕЮЩИЙ КОСТЁР

НОВЕЛЛА

*в стиле «Rock-in-Room»
in the style of «R&R»*

Банька имела главное: печь, полоч, бревенчатые стены из осины, разбухшую дверь, воду, аромат жары и пар с венничком!

Весь мир был и где-то, и весь мир был – здесь: только маленькое оконце заглядывало сюда... =

: порог взглядов обеих миров;

: жажда быть в полусне, но в витрине;

: и возможность с тумана, сойти на мгновение – в реальность, и...

И!...

И, хмельным рассмотреть, в малой доле оконной, мир поразительно трезвый!...

Оконце!...

...искры потянулись в небо и в потоке воздуха зависли над банькой, и отразились в больших глазах, которые распахнула Уста, высматривая в окне угли костра и берег...

– Что там? – спросила Адна, лёжа на полке вниз лицом,

обмякшая и счастливая.

– Вроде нормально, я подумала: может, кто-то чужой появился, – нет, наши одни...

Августа отошла от маленького оконца, и встряхнула веником.

– Что?! Ещё?!

– Нет-нет-нет-нет... всё хорошо!...

– Тогда слезай, сползай... твоя очередь парить.

– Сейчас... холодной оболюсь, а ты тащи свою п-пи-и... с-слю-у...

н-на полук...

Они со смехом поменялись местами.

– А где веник? – села на лавку Адна.

– Я в тазик его положила. Ой, хорошо!...

– Да же лучше, чем коньч-ш...? – пролепетала, не открывая глаз

Адна.

– Да-да... тут всегда хорошо!... А с ними?... Ха-ха!... то коньч-ш-ш, то ни коньчш-ш – о себе только думают. Ха-ха! ... ох-да...

Ариадна открыла глаза и взяла веник.

– Даже если и приплываешь в картине репинской несколько раз подряд к бережкам орга-а... зма-зма и... всё по-раз-з... зма-зма... м-ма-ара-а... зма-зма... У тебя было так?

– Не зна-аю... наверное, иногда не успева-аю... н-не-э... зна-зна-зна...

Адна медленно встала, распрямилась и завалилась мягко на живот подруге, разбросав по её телу волосы.

– Ай, разда-авишь!...

– А когда у вас в животике кто-то жить будет?

– Не знаю.

– Ты что ничего не знаешь? – и она приподняла голову, и залепетала сладко – по-детски. – Ни тут, ни здесь! – И она быстро чмокнула мягкими касаниями губ пупок и лобок.

– Ай, дура, щекотно! – согнулись ноги у незнайки, и она задохнулась от грудного смеха. – Перестань прикалываться, а то сейчас вылетит из меня всё, что выпила и съела! Адна, не могу уже!

Ариадна выпрямилась, закрыла глаза, и, глубоко вздохнув, резко выдохнула! и задержала дыхание! и расслабилась на несколько секунд!...

Уста тоже с облегчением вытолкнула из себя измучивший её смех и получила наслаждение невесомостью среди бесконечного космоса Вселенной в маленькой баньке...

– Адна, у тебя такая красивая грудь...

Ариадна открыла глаза.

– А у тебя какая?!

– Не знаю, – она села, – смотри... разве, такие растопырки, понравятся им?!

– Что – комплекс? В этой бане две груди и они обе Миссиски всей Вселенной, глупышка!

– Да?! Но тогда не две, а четыре.

– Ну, конечно!

– Но у тебя они какие-то розовые...

Адна взяла ковш.

– Ты на что намекаешь?! Да мы тебя не парили ещё! Ложись пока на живот, во-от! Металл при нагревании расширяется! Сейчас я поддам... Вам!...

– А при чём здесь металл?

– Как причём?! Железы-железо... Осторожно!

Пар рванулся из печи! И мгновенно охватил всё пространство, толкаясь-ругаясь в клубах, провернулся и замер-завис очень плотно.

– Во-от! Сейчас! Уста, сейчас!

Веник начал хлестать и пробегать-гладить нежную кожу, неся под собой горячую воздушную подушку и пропитывать тело духом своим берёзовым, а затем, ветвь берёзы, вошла в этот процесс ладонью и начала трястись, щипать и шлёпать – до боли!...

– Всё, хорошо! Ой, хорошо!

– На спинку ложись.

Августа перевернулась, радуясь вновь таким блаженным мгновениям августа.

– Лупи по тише, Адна, я тебя жалела, – буркнула она и закрыла глаза.

Ариадна склонилась над ней и тихо опустила свои губы на её уста.

– Адна, что с тобой?

– Я хотела сказать – прости, если было больно, – улыба-
лась над ней Ариадна.

– Да, ну тебя! Всё хмель ещё не вышел! Давай париться, –
ребятам уже пора идти...

– Я только попросила прощения, всё! Поехали!

Веник не сёк, а растаскивал жаркий пар по всем впадин-
кам и лишь изредка легонько шлёпал.

– А мне в Сочах, вообще, не понравилось, – легко рабо-
тала с веником Адна, – а тебе?

Уста кивнула, не открывая глаз.

– Погода была говно, я согласна: ни моря, ни загара.

Веник укрыл лицо Августе и тихо пополз по всему её телу
к ногам, изредка исполняя в ветвях вибрацию.

– А мне как-то, ни загар, ни море, ни... и вот здесь не тор-
чали, – в это мгновение, рука с веником была над тем ме-
стом, где не было ничего кроме чубчика, и пальчик нечаян-
но, но точно сориентировал – где.

У Августы, от щекотливого касания, пробежали лёгкие
судороги в животе и ногах.

– Адна! – не открывая глаз, шикнула она, – перестань при-
калываться, у меня такой сон!...

– Уста, а чубчик тебе уже подбрить надо...

– Что за внимание у тебя сегодня ко мне?! Почему ты ме-
ня рассматриваешь?!...

Веник сполз на колени.

– Не знаю... всю жизнь вместе паримся, но лишь сегодня

у меня такое?!...

– Какое?

– Дурачусь!... Ха-ха... ох!...

И она склонилась и чуть проникла к устам желаний – Августа вздрогнула, – в одно мгновение оттолкнула от себя её губы: и лицо, и веник, и плечи и всё тело! которое расхохоталось, и... отлетело к противоположной стене.

– Ну, напились! Совсем что ли! – Уста села на полок и бросила с обидой, – у тебя, что с головой?! Как наркоманка... а этим ты не балуешься? А девица?! Или ты, ой! Адна, ты не лесбиянка?!... розовая грудь...

Та покачала отрицательно головой и села, как стояла, на лавку.

– У тебя она такая же – розовая и распаренная....

– Подружка, что случилось? Милая моя, я же знаю тебя всю жизнь! Ну, извини, если я тебя обидела!

Уста шагнула к ней и нежно прижала к своему животу и в него, вдруг, ударились жаркие слюни – «прости» – она затряслась и обняла подругу за талию.

– Тихо, тихо, тихо, – шептала та в ответ, – Адна, перестань, нам выходить пора. – И ты меня прости, пожалуйста! Всё! Ты так хорошо меня пропарила, до каждой косточки! Ну! Отпусти меня, и вставай. Посмотри мне в глазки! Вот и хорошо! Дай-ка я плесну тебе водички. Сейчас, моя родная. Вот, и ра-асс!

Адна опешила от холодной воды, и в одно мгновение за-

дышала, и улыбнулась сквозь слёзы.

– Вот и всё, дай я глазки поцелую и подую! Вот! – Уста взяла её за плечи и отстранилась на короткий шаг. – А груди у нас действительно и одинаковые и красивые! Смотри, а-а-ап!

Августа притянула её легонько в свои объятия, и их соски прицельно расплющились в себе.

Подруги рассмеялись, и сели друг против друга на скамейки.

– Всё? Уходим!

– Да, обдаёмся, а то они нас обматерят... и я опять заплачу... ха-ха... ой!

Выскочили в предбанник! и ощутили кайф свежести!

Сквозь частые щели в объёме двери наружу, внутрь потянулся дым костра и смешался с мягким паром на вкусных телах и девочек, и женщин, и подруг.

Дым был вновь плотным – из новой кучи пален.

– Вот для девочек костёр развели, – стряхивая с головы капли воды, отошёл от огня Фил, – Сейчас должны выйти. А давай ещё по одной, после купания!

Друзья подошли к столу-газетке.

– Там вдалеке рыбаки стоят.

– Е-есть рыба: видно – уже играет

– Уха у них будет, не то, что у нас.

– У нас баня!

Рюмки поднялись и опустились.

И распахнулась дверь бани!

– О, розовенькие, даже жарить не надо! С лёгким паром, с мокрой жопой!

– Спасибо!

– С лёгким, малыши! А ты на что намекал?

– На то, что они красны-девицы!

– О, это была ещё добанная истина!

– Спасибо!

– С лёгким паром! Вот и костерок для вас новенький.

– Спасибо!

– Спасибо! Баня!... улёт!...

– Полный пассаж! Ох!

– Попить чего-нибудь?

– Уста, ну, вот же перед тобой! Ха!... упарились! Только много сразу не пей, мы пошли. Аккуратно здесь.

– Хорошо!

– Ты прекрасна, – Кум чмокнул в носик Августу, – всё, пока...

– Пока.

– Адна, вот пульт сигналки. Это кнопка тревоги, и с расстояния поймает, и заорёт. Отдохните чуть-чуть и обязательно покушайте.

– Спасибо, Фил.

Несколько минут девушки сидели в полном расслаблении и благодати – мыслей ещё не было, после нескольких жадных

глотков воды, они просто отсутствовали: сознания касался лишь лёгкий и нежный треск дымного тления костра и шум бани.

– Вот, дурни – пугало сожгли! – Адна обошла тлеющий крест-скелет и на секунду изобразила чучело, встав за ним в своей исподней, – жаль беднягу – жертва игры...

Крест-скелет неожиданно вспыхнул в вершине своей, где однажды родилась голова, огнём пламенным и дымной шапкой, как лицо безликое, – завис на мгновение на этой жердине.

– С лёгким паром, сударыни... – изогнулся вежливо незваный старче.

– Спасибо?! – удивилась Адна.

– И вам добра, дедушка, – отблеском добра и тепла от костра поприветствовала Августа странника.

Ариадна качнула головой в поддержку слов подруги.

– Я хозяин баньки, – старый с блаженством понюхал дым от костра, как пар, – мне ничего не нужно... огонька вот только...

– Да, это ваше сокровище?! – удивилась Ариадна.

– Боже, какое чудо! – продлила любопытство Уста, – вы просто творец и создатель!

– Люблю гостей! Любых: под парами все равны!...

Огонь в костре притих в пространстве диалога.

– А где вы живёте? Здесь где-то?

– Да, здесь, будто бы, здесь... при баньке... Куда я без неё!

Всё у неё для здоровья и справедливости ради! Иной раз так промоет-пропарит, я говорю, что всего себя не совладаешь собрать, я говорю, – нет от части... Бывает! А иногда, вообще, найти себя не можешь! Лишь на седьмом небе обнаруживаешь, наружу всего обнажённого... Бывает...

– Вы что имели ввиду?! – беспокойно поторопила вопрос Августа.

– Ну, бывайте, сударушки, отдыхайте – пора мне... Хорошо здесь!... Редко, правда, но буря бывает! И тогда держися! Не до парада, тогда – да!...

Дед уже шёл к тёмным кустам-силуэтам и продолжал бубнить себе под нос истерии природы...

– Ветер штормовой тогда и дождь, как из ведра!... Да! И брёвна, как спички, плоты, будто щепки!... женщины воют, дети рыдают... тогда – да!... Всяк, тогда, от стихии страдает!... да – тогда... да... всяк... от стихии... То, как зверь она завоюет, то заплачет, как дитя!... Кругом – поэзия!...

Девушки проводили взглядом старого и тут же в нервной игре забился огонь в кострище, сплетая языки своих чувств над углями.

– Станный, однако...

Адна сквозь пламень скользнула взглядом по мёртвой глади воды тамасичной старицы.

– А Ирины почему нет? С ней весело: чучело-мяучело это придумала... Прикольно тогда было, жаль дождь с ураганным ветром помешали! – Ариадна потянулась и вкусно по-

смотрела на Августу. – Зачем сожгли? Жалко...

– Переживает о чём-то Фил, переживает, – Уста села, и взгляд её побрёл по окружающей их флоре и, оттолкнувшись от её большой красоты, упал на стол – в маленький мир красоты и флоры, и фауны. – А они купались! – Августа оживилась первой.

Ариадна очнулась тот час же.

– Хорошо, что тепло, но там грязно.

Взгляды девушек притянул костёр и торчащая из него жердина несуществующего и безликого пугало.

– Огонь – он, а страсть и пластика в нём женская, – прошептала Ариадна, – ты... прости меня...

– Ну, перестань, хорошая моя, я ведь тоже люблю тебя, как самую родную.

– Я имею ввиду, не любовь к родному, или к любимому... Я о нежности и ласке, внимании и тепле. Мы обе любим и любимы, будем надеяться, но даже в славных отношениях двух людей, очень часто слабая половинка остаётся, в какой-то степени одинокой... понимаешь?

– Не знаю... может быть ты и права, давай шашлык жарить.

– Не знаю, не знаю, ... заладила, давай выпьем... ну, а сон свой хотя бы знаешь, хоть что-то помнишь?

– Какой сон?!

Они встали, потянув за собой стаканчики.

– За которым ты в баню пошла, – наигранно-злобно вы-

бросила Адна, – пошла в баню!

Уста рассмеялись у Августы.

Они соприкоснули тела питейной тары, окунулись взглядами – выпили, присели, взяв по шампуну, и затеялись испеканием.

Костёр вкусно шипел.

Вино растекалось в сознании до абсолютной искренности.

– Да, ты мне весь кайф обломала... такой сон!

– Ты тоже...

– Я?!... да ну тебя, с твоим веником-обломщиком!

– Отнюдь, он, наверняка, наполнял и дополнял твой сон.

– Он отвлекал и мешал! Мэа! – настояла на своём обладатель сновидения, и показала язык.

– Ну, ты у меня полу-учишь! Я тебе покажу-у язык! тоже!... Ты рассказывать будешь, или мы мясо сюда пришли жрать?!

– Сильно интересно?

– Очень...

– В общем, это короткий фрагмент нашей первой любви и последней, надеюсь...

– Не каркай!

– Мэ-а! – опять Уста бросила язык на уста, – ...это все наши первые прикосновения осознанно направленные для возбуждения – наша нежность, и наша ласка к друг другу. А поскольку они первые, то они более яркие, чувственные... Тут же рядом пылкая внутри себя борьба – «а можно, а нель-

зя», и от этого весь трепет такой искренний, что более высокого чего-то я просто не знаю... и это для меня бесценно! К тому же главное событие этого периода – мой первый поцелуй!... Где-то в это же время... в августе... и это вдвое дороже девушке с именем – Августа. В воспоминаниях мне очень приятны эти моменты, но во сне! Я просто плыву! Кошмар, что рассказываю!... Ой, ужас – вино ударило... ха...

Костёр потрескивал, на его уже никто не обращал внимания.

– ...а сегодня этот сон опять посетил меня и... усилился с сегодняшней реальностью: там, в финале, Аввакум, не спящей мне, шепчет что-то, касаясь моих губ своими... ну, учил в то время целовать: Уста, раскрой уста»... Уста, раскрой уста»... а сегодня в это время с действительным прикосновением сказал моё имя и, представляешь – совпало прошлое с сегодняшним днём, но... но он меня разбудил... хотелось плакать.

Осенний день захлопал банными листьями, зашумел голосами в едкой парной, и обронился там же водяной прохладой на тёмные пахучие доски: из ёмкой посуды, как из ведра – лишь брызги!...

– Какая ты счастливая! Ой, мясо! Вот это приход! Мясо сгорело!

– Чёрт с ним! Ты знаешь, я не знаю, на какой уровень выросли бы наши отношения?! Хотя они у нас очень высокие, если бы не было у меня одного чёрного дня в том же дорогом

мне августе...

– Что?! Изнасилование?!

Они обе, будто обожглись от костра – вскочили.

Августа поперхнулась.

– Откуда известно?!

– А что для девушки ещё?...

Адну прервала Уста.

– Ну, ну-у... аборт!

– Ах, да! – согласилась Адна. – И что же?...

– Первое.

– И ты молчала?!...

Адна швырнула свой шампур в костёр.

– Бедная, ну ты же моя подруга! Уста... кто эта сволочь?!

В бане закрипели двери.

– Девочки!

В проёме торчала голова Кума.

– Вот она, – едва слышно произнесла Августа.

– Ш-штто-о-о?! – у Адны глаза полезли на лоб от крика.

Сработала сигнализация авто.

– Не понял? Видно, что ли?

Дверь захлопнулась.

Адна выхватила шампур у Усты и он распорол угли костра.

– Да, нет, милый: у вашего брата всё подобрато! Мы слушаем тебя. – Ариадна отключила сигнализацию.

Дверь едва приоткрылась, и оттуда показались три глаза

и три по полпрта: головы предстали на обозрение косо.

– Малышки, рыбу не пугайте рыбакам! Погуляйте по полянке, но только не далеко... мы хотим из парной – и сразу в речку сигать.

– Ладно!

– Не напугайте никого! Тушканчики...

– Не напука-аем! Нет! Через костёр и в воду! Тушкой н-н-ныкь! и чики!... Хи-хи...

Девушки рассмеялись и тихо пошли: банька удалялась за их спинами, а берег, справа стороны, вёл подруг и тенистой водой укрывал откровения.

– Вот и покушали... а давай вино возьмём? – остановилась Уста.

– Вот и попили, – потянула её под руку Адна, – уже прыгают.

Они прислушались.

Каждая белая задница неслась с криком «а-а-а!», и затем звучал громкий всплеск, с блаженным «о-о-о!»!

– Ну, сейчас-то рыба вся от страху в сети шарахнется, – сыронизировала Уста, – кого боятся? чего боятся?!

Они вновь рассмеялись и двинулись дальше.

– Ой, смотри! Помнишь, – Адна указала пальцем на большое лежащее дерево, – ну?! Очень давно мы здесь его вытаскивали из воды?! И кричали – «бурлаки!», «бурлаки!»!...

– Да, да помню! и мы вытащили его!

– Да, а давай Уста посидим на нём, как тогда, по бурлачим,

по судачим...

– Хорошо. Здесь мы уже никому не мешаем принимать контрастные ванны!

Они вкарабкались на него и сели.

– Какое большое... – Адна легла, широко обхватив тёплый ствол, и приложила ухо к дереву. – Как мы его тогда таскали?... и зачем?... А зачем?! действительно...

– Да, плот прибило тогда к берегу, на нём какой-то человек при смерти... Так вроде бы...

Уста смотрела над водой, куда-то далеко – в даль: вспоминала, казалось, что-то своё...

– Да, да... мы ему помогли, он пришёл в себя и бросился в воду, к этому плавающему дереву...

Адна отстранилась от кожи бревна, но в ушах воем выгнулся звон.

– Я, конечно, всё помню: плыл-кричал и нырял-кричал! – «Там ребёнок!». Потом ливень, гроза: его искали – не нашли, дерево на берег втащили... и тоже – ничего... Бред какой-то! ... В дупле, как в животе, что ли?!... и как он туда?... спрятали?... от кого?...

Уста тихонько сползла с пухлого бревна и спиной налегла на него.

– Какое огромное... и оно не понятно откуда?

– Слушай, а этот шальной старик сейчас не об этом ли говорил?!

Ариадна заглянула с лёгкой тревогой в глаза Августе.

– Старик?!... – Уста с упрёком отстранилась от этого, – Как-то не соединяется у меня... Хотя?... нет: всё же – нет! Да, никого и ничего мы тогда не нашли. Ой, как вино вставило на жаре-е!... или от этих воспоминаний?!...

Адна села на вершине бревна.

– От всего вместе, наверное,... у меня тоже, аж в ушах звенит... в каком ухе?

– На что загадала?

– Не скажу! Пусть сюрпризом будет для меня... или для тебя?...

– А я тут при чём?

Ариадна медленно освободилась от сил собственных, и притяженье земли аккуратно стащило её к подруге.

– Августа, а через сколько произошло у тебя это...

– Я поняла, – прервала мягко она, – через три дня. Он был вне себя, но мне казалось, что всё под контролем... но сделать ничего не удалось... Ведь всё впервые!... для обоих... насилие его было коротким! и он не ожидал, конечно, что всё кончится тут же – сразу!... тогда в нём всё опустеет и его безумство провалится в пропасть... Раскаяние и умаления простить его были ужасным зрелищем, в момент, когда я находилась в шоковом состоянии... Потом он всё сделал, чтобы вернуть мою любовь, вернее, сделать к ней шаг, то есть к нему... Да, и ему, как видишь это удалось, но... но я не простила его и он это знает.

Августа смахнула слезу со щеки и растёрла на пальцах.

– А сейчас мне его жаль, знаешь в чём? В том, что он не пропускает взглядом юбки того же возраста, в котором была я в тот миг, когда он стал мужчиной... Он любит меня ту, как яркий образ: слишком ярким было для него потрясение, в положительном смысле, до того, как он удовлетворился, а для меня и до, и после – в отрицательном... Да, я впервые говорю это, но все годы эти думала... А сейчас, когда пройдёт мимо этого кота девочка, я уже не смотрю, как его руки влезают в карманы брюк, чтобы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.